

Дарья Донцова

Мрицесса на Кирриешках

Евлампия Романова
САДАТИМЕ ВРАСТ АМСТАКТ

ПРОЦИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЭКСМО

Дарья Донцова
Принцесса на Кириешках
Серия «Евлампия Романова.
Следствие ведет дилетант», книга 15

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121151
Принцесса на Кириешках: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-07704-9*

Аннотация

Я, Евлампия Романова, попала в очередную переделку. А началось все с того, что на меня напал какой-то псих и, приставив дуло к виску, велел найти убийцу... Курочкорябского. Когда я, клацая зубами от страха, вернулась домой, очередной сюрприз не заставил себя ждать. Подруга Катя нашла прекрасный загородный дом с огромным парком вокруг. О таком наше семейство давно мечтало. Но меня повергло в шок то, что продавала его Ася Курочкорябская. Таких фамилий больше ни у кого нет! Кого же в их семье убили? Я выяснила, что пару лет назад погиб при пожаре ее сын Вася. Вот тут и надо рыть. Не успели мы перебраться в коттедж, как сгорел Асин дом и умерла от инфаркта молодая вдова Васи. Или ее убили? Покопавшись в прошлом этой «веселой» семейки, я узнала много интересного: оказывается, вместе с Васей погибла и любовница, а несколькими годами

раньше умерла его первая жена. Вот такая гора трупов! Старик Шекспир отдыхает!..

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	19
ГЛАВА 3	34
ГЛАВА 4	46
ГЛАВА 5	61
ГЛАВА 6	75
ГЛАВА 7	90
ГЛАВА 8	102
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Дарья Донцова

Принцесса на Кириешках

ГЛАВА 1

Единственный способ обрести безвозвратно потерянную вещь – это купить точь-в-точь такую же!

Не обнаружив в шкафу своей любимой черной кофточки с вышивкой, я призадумалась: ну и куда она могла подеваться? Вообще-то я отношусь к шмоткам легко и никогда не делаю трагедии из пятна на брюках или дыры на куртке. Но я не выбрасываю даже испачканные и порванные вещи, а черная кофточка исчезла бесследно. Я еще раз внимательно обследовала гардероб, залезла в такие углы, куда не заглядывала бог знает сколько времени, отрыла между прочим давно мысленно похороненные голубые джинсы, но блузки не обнаружила! В отчаянии я вывалила содержимое трехстворчатого монстра на ковер и провела почти час, аккуратно укладывая все назад. Кофточки не было.

– Эй, Лампудель, – заглянул в комнату Кирюшка, – ты чем занимаешься?

– Ищу блузку, черную, ну ту, что мне Катя подарила!

– Пропала?

– Начисто.

– Вспомни, где ты раздевалась, – посоветовал мальчик.

– Так здесь, дома, где ж еще!

– Кто тебя знает, – прищурился Кирюшка.

– Не болтай глупости! И потом, как ты это себе представляешь: я бог знает где сняла одежду, а потом, не заметив, что полуголая, отправилась домой?!

– Ну ты подчас совершаешь и более идиотские поступки, – не сдался Кирик.

– Ты, собственно говоря, зачем пришел? – Я решила перевести разговор в другое русло.

– Сегодня в семь родительское собрание, помнишь?

– Да.

– Пойдешь?

– У меня есть альтернатива?

– Похоже, нет.

– Тогда зачем ты спрашиваешь?

– Для порядка.

– Понятно. Обязательно явлюсь пред очи твоей классной дамы. А если она хочет сообщить мне нечто этакое... Лучше предупреди заранее.

– Все нормально, – затарахтел Кирюша, – просто суперски. Две контрольные я проболел. А про двойку по английскому ты и так знаешь.

– Ладно, теперь хоть морально я готова к аутодафе!

– Дай мне свою фотографию, – потребовал Кирюшка.

– Зачем?

– Велели в школу принести.

– С какой стати?

– Мы делаем стенд, посвященный дому. Зитина выдумка.

Я кивнула и порысила в гостиную, где в «стенке» хранятся альбомы. Зита – это классная руководительница Кирюши, и зовут даму на самом деле Зинаида Тимофеевна. Она не злая, просто очень занудная, настоящая советская учительница, разговаривающая со всеми ровным менторским тоном. Общаться с Зитой практически невозможно, потому что она абсолютно уверена в собственной непогрешимости и очень категорична. Зита окончила педагогический институт в начале шестидесятых годов прошлого века и до сих пор считает, что дети, которых она учит сейчас, и те, что сидели перед ней лет так сорок тому назад, ничем не отличаются друг от друга. При виде девочки с накрашенными ресницами Зита раздражается длинной нудной нотацией на тему: «Единственное украшение девушки – чистота», если замечает на тетрадях наклейки, приказывает:

– Смени обложку, нам не к лицу эти капиталистические штучки.

Зита очень горюет, что в школе отменили форму и вместо коричневой толпы перед ней теперь мельтешит разноцветная. А еще в ее серый мир ворвались жвачки, конфеты на палочках, соки в пакетах...

– Просто безобразие, – взывает классная дама на родительских собраниях. – Товарищи! Не давайте сыновьям и до-

черям всякую гадость, в особенности импортные продукты, они все отравленные. Лучше уж просто съесть кусок черного хлеба, чем банан. Ну подумайте, разве у вас обезьяны растут?

Родители посмеиваются, но Зита не оставляет надежды перевоспитать нас. Впрочем, никто из мам не ходит жаловаться на нее директору. При всех прибабах, наша классная отлично выполняет свою работу. Если ребенок не пришел в школу утром, то уж будьте уверены, вечером в вашей квартире раздастся звонок и въедливый голос поинтересуется:

– Кирилл заболел? Он пропустил занятия.

Ни о каких наркотиках, табаке или пьянстве в нашем классе и речи быть не может, Зита бдит за детьми, аки Аргус. Она не упустит ни одной мелочи, потому как считает, что классный руководитель – это вторая мать. И еще неизвестно, которая из двух главнее, Зинаида Тимофеевна или та, что произвела ребенка на свет. Зита может вам позвонить и сказать без обиняков:

– Дружба Кирилла и Романа из «Б» неуместна. Роман растет без присмотра. Примите меры, и я тоже поработаю над этой проблемой.

Ясно теперь, почему я назвала ее «советской учительницей»? Это во времена моего детства были педагоги, считавшие подопечных своими родными детьми, теперь, увы, данный вид преподавателей практически вымер. Нынешние

«Макаренко» другие, большинство из них, оттарабанив материал и выйдя из класса, тут же забывают о школьниках. Зита же старается привлечь их к внеклассной работе, она оформляет с ними какие-то стенды, газеты, плакаты, ставит спектакли, и, что самое интересное, Кирюшка и его приятели охотно во всем участвуют.

Вот и сегодня мальчику понадобилась зачем-то моя фотография. Восьмое марта давно прошло, завтра первое апреля.

– Нашла? – завопил Кирюша, влетая в комнату.

Я протянула снимок.

– Твоя кофта у Фени, – сообщил мальчик, выхватывая из моих рук фото, – я видел только что щенка с ней.

Я изумилась:

– Мопсенок надел блузку? Да быть того не может. Ты шутишь! Каким образом Феня ухитрилась вдеть самостоятельно лапы в рукава?

Кирюша покачал головой:

– Я же сказал не «в ней», а «с ней»! Твоя черная кофта валяется на кухне, Феня и Капа небось сперли прикид из кресла, ты же всегда в него шмотки швыряешь...

Не дослушав мальчика, я полетела по коридору, прихватив по дороге газету. Не так давно к собачьей своре, живущей в нашем доме, прибавились две мопсихи, вернее, два щенка, Феня и Капа. О том, как они оказались в семье Романовых, я уже рассказывала и повторяться не хочу¹.

---

¹ См. книгу Д. Донцовой «Синий мопс счастья», издательство «Эксмо».

Наши собаки – Рейчел, Рамик, Муля и Ада – уже взрослые. Конечно, они безобразничали в детстве, но стая составлялась постепенно. Каждый новый ее член тут же брался старшими товарищами в ежовые рукавицы. «Курс молодого бойца» «новобранцы» осваивали сразу, и особых хлопот мы не имели. Но сейчас в нашей квартире оказалось сразу два невероятно шаловливых создания, которые не обращают никакого внимания на патриархов и шкодночают без оглядки на взрослых. Сначала старшие собаки слегка порывкивали на маленьких разбойников, но потом поняли, что справиться с ними практически невозможно, и избрали каждый свою тактику. Муля залезает на спинку дивана и сверху, прищурившись, наблюдает за тем, как веселится подрастающее поколение. Рамик просто спит, он не выказывает никаких эмоций, когда Феня и Капа хватают его за уши, хвост, бегают по спине, кусают за нос и царапают лапами. В конце концов щенкам надоедает теребить безмятежного пса, и они переключаются на Рейчел, а Рамик, стойчески в течение получаса выдерживавший осаду, вознаграждает себя глубоким сном.

У Рейчел терпения меньше, стоит пакостницам вонзить свои мелкие острые зубы в ее длинный тонкий хвост, как стаффордшириха издает страшное рычание. Феню и Капу словно ветром сносит, на полусогнутых лапах они отползают в гостиную и обнаруживают там Аду, мирно дремлющую в кресле. И тут начинается! Бедной Адюське просто некуда деваться. Более коротколапая и толстая, чем Мульяна, она

не может запрыгнуть повыше, туда, куда не добраться щенкам. Нет у Ады и стоицизма Рамика вкупе с железным характером Рейчел. Самое интересное, что Феня и Капа сразу просекли, что Ада – слабое звено, и поэтому, выстроившись «свиньей» (тех, кто не помнит этот боевой строй, отсылаю к учебнику истории за пятый класс), идут на мопсиху.

Адюня пытается сопротивляться, но куда там! Феня и Капа гоняют ее по коридорам, хватают за задние лапы, кусают за щеки и загривок. Иногда кто-нибудь из людей выхватывает Аду, отряхивает и сажает на спинку дивана, к Мульяне. Адюся благодарно лижет спасителя и блаженно закрывает глаза, доброе сердце не позволяет ей кусать щенков, хотя, право слово, порой это стоит сделать.

А еще Феня с Капой постоянно утыривают то, что, по их мнению, плохо лежит, и тащат в свое гнездо: поролоновый лежак, который мы разместили в кухне. Только не надо думать, что щеночки на нем спят. Ночь мопсята проводят в наших кроватях. Каким образом проныры заставляют нас собственноручно укладывать их под свое одеяло, это отдельная сага.

Так вот, о пропажах. Чего только мы не находили на лежке. Колготки Юли, губную помаду Лизы, галстук Сережки, дневник Кирюши. Один раз Костин с ужасом увидел, что Феня, прижав от удовольствия к макушке уши, грызет его табельное оружие. Впрочем, во всем плохом есть и хорошее. Я могла сколько угодно плевать огнем, пытаюсь приучить до-

машинных класть свои вещи на место, но все было тщетно. Сережка и Юлечка, прискакав с работы, всегда швыряют куртки на диван, Кирюшка бросает свитер на подоконник, причем он не всегда достигает цели и чаще всего оказывается на полу. Лиза аккуратна с одеждой, зато по всему дому, в самых неожиданных местах обнаруживается ее косметика. А еще порой в нашем доме случается такая напасть, как визит незваных гостей. Когда я слышу в прихожей чужие голоса, то быстро проскальзываю в гостиную и пытаюсь навести там видимость порядка. Методику «уборки» я позаимствовала у Кирюши. Пока свалившиеся нам на голову люди снимают верхнюю одежду, причесываются и моют руки, я с космической скоростью запикиваю под диван все, что валяется на ковре, и комната приобретает почти приличный вид.

Одно время я пыталась бороться с домочадцами, но потом плюнула и решила: в конце концов, это наша квартира, живем, как хотим! Однако в последний месяц и Сережка, и Юля, и Кирюша, и Лиза, и даже Костин стали педантично засовывать вещи в шкафы. Правда, они не вешают их на «плечики», а просто пихают на полки, однако, согласитесь, прогресс налицо. Только не думайте, что посеянные мною семена аккуратности дали всходы. Просто Феня и Капа, обнаружив беспризорные пиджаки или брюки, мигом укладываются на них и с самым счастливым видом принимаются за работу. В результате вы получаете свои штаны капитально измятыми, усеянными острым мелким ворсом, в пятнах, с отгры-

зенными пуговицами. Один раз Капа добралась до рубашки Вовки и славно потрудилась над ней. На беду, в нагрудном кармане у Костина лежало сто долларов, майору вернули долг.

Можно я не стану рассказывать, как Лиза потом склеивала обрывки купюры? В конце концов девочке удалось реанимировать банкноту. Лизавета большая мастерица собирать пазлы.

Ворвавшись на кухню, я стукнула газетой Капу:

– А ну сейчас же слезай с моей кофты!

Мопсенок фыркнул, отскочил в сторону и демонстративно надул лужу. Я схватила бумажное полотенце. Вот вредина, нарочно написала, в отместку за «газетотерапию». В коридоре постелена специальная бумажная пеленка, предназначенная для лежачих больных. Это аварийный туалет для Фени и Капы: учитывая их малолетство, мопсятам разрешается присесть там.

Феня обычно честно несется к «унитазу», другой вопрос, что она не всегда добегает до него, но ведь главное – желание. А Капа без комплексов, она не слишком совестлива, где стоит там и пописает. А еще Капитолина вреднейшее существо, способное отомстить за полученный нагоняй.

Засунув замусоленную кофту в стиральную машину, я сварила обед и пошла на родительское собрание.

Зита была в своем репертуаре. Около часа она вещала о правильном воспитании, потом мы собирали деньги на

классные расходы и распределяли между собой обязанности. Хорошо, что в нашем коллективе имеется несколько неработающих мам, которые охотно шьют занавески на окна, ходят с классом в музеи и театры, выполняют всякие поручения типа покупки тетрадей, ручек и прочей лабуды.

– На этом все, – объявила Зита, промурыжив родителей три часа.

Решив, что отделалась легким испугом, я первая побежала к двери.

– А вас, Евлампия Андреевна, попрошу задержаться, – каркнула Зита.

Пришлось возвратиться назад. Остальные родители опрометью кинулись в коридор. Мы с классной остались вдвоем.

Зита откашлялась и начала. Я старательно кивала, улавливая лишь обрывки фраз.

– ...Кирилл невнимателен... растет без отца... переходный возраст...

Все это я слышу от Зиты уже третий год подряд. Надо бы набраться окаянства и один раз гаркнуть: «Оставьте нас в покое! Кирюша замечательный ребенок, просто он не похож на пряник в глазури. Впрочем, если вы любите только сладкое, надо было идти работать на кондитерскую фабрику, а не в школу».

Но делать подобные заявления я побаиваюсь, вдруг Зита начнет за это мстить мальчику? Увы, родители школьников – зависимые люди, абсолютное большинство из них предпо-

читают задабривать учителей подарками, а не говорить им правду в лицо. Интересно, найдется ли в Москве хоть одна мать, способная сказать вредной училке: «Эй, швабра, отвянь от моего ребенка. Если он двоечник и хулиган, то в этом виновата ты сама. Плохо ведешь уроки, у тебя на занятиях тоска зеленая. Ну-ка, отвечай, что прочитала за эту неделю, а? Какую литературу освоила, что нового узнала? Долдонишь одно и то же десять лет подряд!»

– ...абсолютно невнимателен!

Я кивнула.

– ...двойка по-английскому!

Я снова кивнула.

– ...полное отсутствие фантазии.

– Да что вы, – возмутилась я, – с выдумкой у него все в порядке.

Зита скривилась:

– Нет. Он очень приземлен, мыслит прямолинейно!

Интересно, а по ее мнению, следует мыслить криволинейно?

– Вот вчера, – как ни в чем не бывало вещала Зита, – мы смотрели на уроке учебный фильм. Он завершался таким кадром: в небе парит самолет. Я в соответствии с методическим пособием спросила: «Дети, куда, по-вашему, летит лайнер?» Ребята стали отвечать, демонстрируя свою фантазию: на юг, к морю, к Бермудскому треугольнику... Когда очередь дошла до Кирилла, знаете, что он сказал?

– Откуда же?

– Самолет направляется в аэропорт.

Чтобы скрыть смешок, я закашлялась. А ведь верно, куда ж еще.

– Вам, похоже, весело, – укоризненно протянула Зита, – а чего стоят его размышления о форме одежды...

– Что вы имеете в виду? – заинтересовалась я.

Насколько я знаю, Кирюша признает только две разновидности одеяния: чистые джинсы и грязные джинсы.

– Мальчик говорит, что наряжаться можно неофициально, полуофициально и официально, – начала Зита.

Я разинула рот. Ну кто бы мог подумать, что Кирюша так хорошо разбирается в дресс-коде!

– Неофициальный стиль – это когда вы без носков, – возвестила Зита, – полуофициальный, если вы в носках, а официальный – когда оба носка одного цвета. Ну и как вам это?

Я стиснула зубы. Молчи, Лампа, молчи. С Кирюшкой разберешься дома. Ну почему он постоянно получает замечания? Вот к Лизе претензий никаких, кроме одной: слишком сильно красится.

Узнав, что в нашем доме живут плохо воспитанные, грубые, малообразованные, шумные, хулиганистые, ленивые дети и что такими их сделала семья, а школа не способна искоренить родительские ошибки, я в отвратительном настроении простилась с Зитой. Похоже, многие учителя просто энергетические вампиры, увидят родителей в хорошем на-

строении и тут же хотят его испортить.

Я вышла во двор и повернула налево. Дом наш стоит в двух шагах от здания школы, поэтому садиться за руль просто смешно. Вообще-то, надо бы сейчас пойти направо, добраться до проспекта и обогнуть супермаркет... Но это лишний крюк. Слева же громоздится стройка, ходить через которую категорически запрещено. Однако весь народ, наплевав на вывешенный плакат: «Стоять! Опасная зона», бежит мимо возводимого здания, так намного короче. Я не исключение, поэтому, старательно глядя себе под ноги, поковыляла по узкой тропинке, злясь на словоохотливую Зиту, задержавшую меня в школе до темноты.

Стараясь не испачкать сапожки, я завернула за угол и почему-то испугалась, мне предстояло пройти самый неприятный и мрачный отрезок пути. В голове мелькнула мысль: может, вернуться назад и двинуть по хорошо освещенному проспекту вместе с толпой прохожих? Но меня тут же одолела лень. Топать назад? Да ни за что!

Я храбро пошла вперед, стараясь унять дрожь в коленках. Будем надеяться, что тут не затаился маньяк или грабитель. Хотя, если рассуждать здраво, у меня нет причин бояться ни одного, ни другого. Сексуально озабоченный тип скорее кинется на более молодую особу, а Соловьёв-разбойнику у Лампы и отнять нечего, в кошельке всего сто рублей, остальные деньги я отдала на классные расходы.

Я быстро шла вперед, изредка натываясь на битые камни.

Внезапно сзади послышался шорох, чьи-то крепкие руки обхватили меня, в висок уткнулось холодное железное дуло пистолета.

– Молчи, – прошипел бандит, – а то пристрелю.

ГЛАВА 2

Я ойкнула.

– Молчать!

– Ага, хорошо.

– Сказано, заткнись!

– Я согласна! Пожалуйста, сделайте со мной что хотите, только не убивайте, дома дети ждут. Могу быстренько сама раздеться, прямо тут...

– На фиг ты мне сдалась, дура!

Я почувствовала, как ноги стали ватными. Это не сексуально озабоченный тип, возжелавший женщину до такой степени, что бросился на меня. Это маньяк-убийца... Впрочем, может, дело еще не так плохо? Вдруг я нарвалась на элементарного грабителя или наркомана, которого ломает из-за отсутствия дозы?

– Послушайте, – попыталась я навести контакт с владельцем пистолета, готового прострелить мою голову, – не стоит тратить пули. Я сама отдам вам все ценное, правда, ничего особенного у меня нет. В кошельке сущая ерунда, но я могу вынуть из ушей золотые сережки и снять с шеи цепочку. Ну зачем вам вешать на себя мокрое дело из-за пары пустячных украшений? Отпустите меня, вашего лица я не видела, в милицию не пойду и вообще никому не расскажу, при каких обстоятельствах лишилась драгоценностей... И перестаньте

тыкать мне в висок оружием, еще выстрелите ненароком!

– Хорош трендеть, – прохрипел мерзавец, – кретинка!

И вот тут мне стало по-настоящему страшно. Если парню неохота насиловать жертву и он не намерен отнимать не слишком дорогие, но все же золотые вещи, значит, на моем пути оказался не сексуально озабоченный тип, не грабитель, а натуральный псих, у которого есть лишь одна радость в жизни – убийство человека.

В голове пронесся вихрь мыслей. Не так давно, когда мой верный «жигуленок» в очередной раз сломался, я ехала в метро и, чтобы не умереть от скуки, купила на лотке тощий томик «Поведение в экстремальной ситуации», очень полезная в наше бурное время книга. Изучив ее, я была немало поражена советами, которые щедро раздавал автор. Ну, допустим: «Если вы находитесь в вагоне метро, в котором прогремел взрыв, немедленно бросайтесь в тоннель и бегите как можно дальше!»

Очень мило, но, похоже, человек, написавший книгу, не знает про «третий рельс». Вступишь на пути, и тебя убьет током, нужно подождать, пока отключат электричество! Или: «Если вы застигнуты пожаром в небоскребе, прыгайте вниз из окна».

Кстати, может, оно и верно. Небось смерть от удара о землю менее мучительна, чем гибель в огне. А в случае встречи с маньяком издание предлагало следующее: «Со всей силы лягните насильника между ног, а когда тот согнется от

боли, воткните ему пальцы в глаза». Мне отчего-то показалось, что поступать подобным образом никак нельзя. Скорей всего, напавший мужик не станет сгибаться, а обозлится еще больше. На мой взгляд, лучше попытаться с ним договориться.

– ...товарищ, – дрожащим голосом завела я, – то есть господин! Неужели...

– Слушай, debilka, – прокаркал невидимый злодей и сильнее сжал мою шею, – ты Евлампия Романова?

– Да, – прохрипела я, – разве мы знакомы? Очень приятно, я рада встрече, только никак не припомню ваше имя.

Убийца еще сильнее сдавил мое горло:

– Заткнись, убогая, и слушай! Тебе твоя семья дорога?

– М...м...м, – промычала я.

– Да или нет?

– Д-да!

– Ну и хорошо! – почти весело воскликнул мерзавец. – Значит, мы договоримся. Ты должна найти убийцу Курочкорябского, причем как можно быстрее. Усекла?

– Нет.

– Дура! Если обнаружишь того, кто пришел Курочкорябского, то все твои домашние останутся в живых. Коли нет, начну убирать их одного за другим: Катю, Сережу, Юлю, Кирилла, Елизавету, Владимира, Рейчел, Рамика, Мулю, Аду, Феню, Капу... Ну а тебя оставлю в живых. Будешь мучиться, вспоминая их и зная, что они погибли из-за того, что ты не

справилась с задачей.

– Кто такой Курочкорябский? – я попыталась хоть как-то прояснить ситуацию.

– Ищи его сама! Не найдешь – пеняй на себя.

– Но где искать?

– Молчи, сука!

– Почему вы выбрали меня? – в полном отчаянии воскликнула я. – Ну не бред ли это!

– Заглохни! – рявкнул мужик. – Значит, заруби себе на носу: ищешь убийцу Курочкорябского, сроку тебе до первого июня. Не найдешь, прощайся со всеми. Умирать будут страшно, мы их помучаем по полной программе, уж можешь не сомневаться. Ну, согласна?

– Да, – выдавила я из себя.

Последовал сильный пинок, я упала лицом в строительный мусор. За спиной раздались торопливые шаги, потом воцарилась тишина.

Кое-как, дрожа от страха, я сгребла вместе ноги и попыталась встать. Принять вертикальное положение удалось мне не сразу. Очутившись на тропинке, я развернулась и бросилась назад, к школе, идти вперед по направлению к дому через стройку у меня не было сил, от ужаса тело почти парализовало.

Добравшись до учебного заведения, я вползла в вестибюль и плюхнулась на низкую, обитую потертым бархатом банкетку. Вид у меня был не из лучших: джинсы на коле-

нях порваны, кофточка вся в серой пыли, да и волосы небось стоят дыбом... Родители, в основном женщины, ожидавшие детей, занятых в разных кружках, весьма неодобрительно посматривали в мою сторону. Я попыталась унять бешеное сердцебиение. Произошедшее напоминало дурной сон. Курчкорябский! Никогда не слышала о человеке с такой идиотской, невероятной фамилией. Да подобных просто не бывает на свете! Ну и кошмар! Мерзавец с пистолетом знает всех членов нашей семьи по именам, а собак по кличкам, следовательно, он основательно подготовился к встрече со мной. Но почему именно я выбрана им на роль детектива? Нет, я сплю и вижу кошмар.

Внезапно к горлу подступила тошнота, я встала и, пытаюсь сохранить равновесие, побрела в сторону туалета.

– Ну и женщины встречаются, – громко заявила одна из теток, угнездившихся на банкетке, – нальются по брови, в грязи извозюкаются и в школу припрутся. Ей-богу, некоторых детей до слез жаль!

Следовало обернуться и достойно ответить злобной бабе, но сил скандалить не было, я еле-еле дотащилась до санузла.

Туалетной бумаги там, конечно, не было. Одноразовых полотенец и сушилки для рук тоже. Впрочем, на унитазах отсутствовали круги и никаких следов мыла на умывальнике. При взгляде на ужасающий вид школьного сортира мне моментально вспомнилась покойная мамочка, которая говаривала: «Унитаз – это лицо дома». Ведь родители регуляр-

но, раз в месяц, сдают деньги на всякие школьные нужды, в частности, нас обязывают купить по четыре рулона бумаги, две упаковки мыла и несколько пачек салфеток. Если умножим четыре на тридцать, а именно такое количество детей в нашем классе, то получится сто двадцать рулонов бумаги. При этом учтите, что остальные учащиеся – от первоклассников до выпускников – обложены тем же оброком. Интересно, сколько ребят в школе... ну-ка, подсчитаем примерное количество... классов тут три, я имею в виду параллельных, в каждом приблизительно по три десятка школьников, значит, их девяносто. Теперь умножим эту цифру на одиннадцать, а потом на четыре... три тысячи девятьсот шестьдесят рулонов. Ладно, предположим, не все сдали деньги, но трех тысяч штук с лихвой хватит сему образовательному учреждению на месяц! Так где же пипифакс, а?

Злость на школьную администрацию вышибла из меня страх. В коридор я вышла исполненная мрачной решимости. Нечего тут дрожать и думать, с какой стати именно меня выбрал на роль детектива преступник. Курочкорябский – очень редкая фамилия. Завтра прямо с утра отправлюсь в адресное бюро, узнаю, есть ли в Москве такая личность, уточню ее адрес, съезжу туда и посмотрю, что к чему, а сейчас надо двигать домой.

Не успела в голову прийти последняя мысль, как ожил мобильный.

– Лампуша, – радостно заговорила Катюша, – ты где?

– На родительском собрании.

– Долго еще просидишь?

– Оно уже закончилось.

– Иди скорей домой.

– Что-то случилось? – напряглась я. – Ну... да!

– Неприятное?

– Вовсе нет.

– В чем дело?

– Сюрприз, – весело засмеялась Катя, – тебе понравится, честное слово! Давай поторопись!

Я спрятала мобильный и уставилась в стену. Интересно, теперь при каждом звонке из дома меня будет колотить озноб? Ну же, Лампа, приди в себя, встряхнись.

Я потерла виски руками, обрела способность воспринимать окружающий мир и поняла, что вижу свою собственную фотографию, наклеенную на большой лист бумаги. На стенде теснилось много всяких снимков, текст был написан аккуратной рукой какой-то девочки-отличницы. «Старые, но очень нужные вещи» – гласило название фотомонтажа.

Я машинально стала читать газету. «У каждого из нас в доме имеются старые, но нужные вещи, доставшиеся от дедушек и бабушек. Они называются «антиквариат». Но храним мы их не из-за цены, а потому, что они принадлежали нашим предкам. Ученики школы сфотографировали самые древние семейные реликвии и написали о каждой небольшой рассказ».

Мое удивление достигло предела. Ну и при чем тут я? Надо внимательно изучить стенд...

Девочка по фамилии Родионова представила ручную кофемолку, ученица Савратова чугунный утюг, Леша Ремезов рассказал про серебряный подстаканник... Наконец я добралась до заметки, подписанной «Кирилл Романов».

«В нашей квартире очень много бархла, но когда мама делала ремонт, она выбросила все старые, грязные и ненужные вещи. Моя мама считает, что мебель должна быть чистой, посуда не надбитой, а занавески новыми. Никаких дорогих вещей, передаваемых из поколения в поколение, у нас нет, была, впрочем, одна серебряная ложка, но она пропала, и слава богу, потому что размешивать ею сахар было очень трудно – ручка сразу нагревалась. Самой старой и очень нужной в хозяйстве штукой можно считать лампу. Она, правда, постоянно ворчит, зато очень вкусно готовит. Еще лампа может убрать квартиру, кроме нее, всем некогда, погладить брюки и пришить пуговицу. Лампа не досталась нам по наследству от бабушки, пару лет назад мама подобрала ее на дороге, где лампа валялась никем не востребованная. Но сейчас я даже не понимаю, как мы жили без нее. Лампа – очень нужная и полезная, через пятьдесят лет она станет настоящим антиквариатом».

Я захлопнула открывшийся рот. Ну, Кирюша, погоди! Зита тоже хороша, впрочем, она небось не поняла, что Лампа – это имя собственное. Не обремененный особой грамот-

ностью Кирюшка везде написал слово «лампа» с маленькой буквы.

Нетрудно догадаться, что домой я пошла дальней, хорошо освещенной и людной дорогой. Никогда больше не буду бегать через стройку, даже если мне пообещают в конце пути гору золота.

В квартире вкусно пахло жареной картошкой. Я заглянула на кухню. Вокруг стола сидели почти все домочадцы, за исключением майора. Вместо Костина обнаружилась приятная, стройная дама неопределенных лет. Вначале я приняла ее за тридцатилетнюю, но потом поняла, что ей далеко за сорок.

– А вот и Лампа! – воскликнула Катюша. – Ну, почти все в сборе. Садись, Лампуша, для тебя повторяю еще раз. Нам жутко повезло! Ася Михайловна продает чудесный дом!

Я опустилась на табуретку и перевела дух. Слава богу, сюрприз и вправду приятный. Чтобы вы поняли, в чем дело, мне придется слегка отвлечься.

Наша семья проживает в достаточно просторных апартаментах. В свое время мы перетасили к нам Костина. Уговорили соседку поменяться с ним жилплощадью. Стен крушить мы не стали, Вовка живет отдельно, но это только кажется. Костин завтракает, обедает и ужинает у нас, его рубашки стираются в нашей машине, а холостяцкую берлогу убираю я. Правда, по мнению Вовки, госпожа Евлампия Романова могла бы быть и более аккуратной и пылесосить хотя

бы раз в неделю.

Несмотря на полярность характеров и совершенно разный рабочий график, мы довольно мирно уживаемся вместе, скандалы в нашем семействе случаются не чаще, чем у других. Иногда, впрочем, мне хочется убить домашних, но это желание быстро проходит. Короче говоря, жить бы нам и радоваться, но полному счастью мешает несколько обстоятельств.

На нашем этаже проживает еще семья Узбековых, состоящая из трех человек и жирного кота. Глава фамилии – на редкость противный, склочный мужичонка по имени Александр Борисович. Отчего-то он решил, что имеет право делать всем замечания, и постоянно воспитывает соседей. Буквально каждый день в нашей квартире раздается звонок, и Александр Борисович скрипучим голосом выдвигает ультиматум:

– Ваши собаки сдвинули мой коврик у двери, поправьте! Кирилл натоптал на лестнице, уберите! Лиза очень громко разговаривала в лифте, укажите ей на недопустимость подобного поведения!

Сначала мы пытались решить дело миром. Я улыбалась склочнику, поправляла коврик, мыла плитку... Но Александр Борисович воспринял мое поведение как слабость и удвоил рвение. Апофеоз наступил в день, когда нам поставили железные двери. Вечером ко мне явилась делегация из ЖЭКа и показала жалобу от Узбекова. Часть текста привожу

дословно: «Семья Романовых, незаконно сожительствовавшая с г. Костиным, незаконно присоединила к своим квартирам часть лестничной клетки, незаконно установив двери незаконного образца».

В особенности меня возмутил пассаж: «г. Костин»!

– Вы офигели? – по-детски спросила я Александра Борисовича.

Тот потряс перед моим носом сантиметром:

– Я измерил! Лестница из-за ваших незаконных дверей стала уже на полтора сантиметра, уберите безобразие.

Тот, кто хорошо знаком со мной, в курсе, что я окончила консерваторию, играю на арфе, обожаю детективы и никогда не матерюсь. Но тут на язык стали проситься такие слова, что я не на шутку испугалась. Ну откуда я столь детально знакома с непечатными выражениями?

От бурного проявления негодования меня удержал умоляющий взгляд Узбековой, несчастной, рано состарившейся, замученной домашним хозяйством Али. Иногда Аля приходит к нам и робко, шепотом, без конца оглядываясь на дверь, просит:

– Дайте соточку на пару дней!

Мне очень жаль ее, скупой Александр Борисович отстегивает супруге в день четко определенную сумму: тридцать девять рублей семьдесят четыре копейки. Раз в месяц он сам ходит за продуктами, а выдаваемых им денег жене должно хватить на повседневную ерунду. Иногда мне кажется, что,

если бы Аля не питалась только хлебом, картошкой, макаронами и иногда посещала парикмахерскую, она не выглядела бы толстой, опустившейся старухой. Многие женщины в ее возрасте заводят любовников и кажутся молодыми.

После этого эпизода я перестала впускать к нам Александра Борисовича, а через неделю произошел еще один случай, окончательно поссоривший нас с Узбековыми. Мы купили новую СВЧ-печь и комплект посуды к ней. Заодно, раз уж оказались в большом торговом центре, решили не терять времени даром и прихватили еще постельное белье, плед для Лизы, подушку Кирюше, затарились продуктами...

Чтобы не таскать тяжести через весь двор, Сережка припарковал машину у самого подъезда, и мы начали вносить покупки в лифт. Жильцы, выходявшие из башни, натянулись на автомобиль, но никто не выказывал недовольства. Люди улыбались, кое-кто, проходя мимо, бросал:

– Ну, у вас сегодня день не зря прошел!

И тут возник Александр Борисович. Естественно, склочник моментально потребовал отогнать машину на стоянку, Сережка, державший в руке коробку с новой печкой, буркнул:

– Не видите разве? Мы вещи носим! Закончим и отгоним.

– Это незаконно ставить машину подобным образом, – продолжал скандалить Узбеков.

– Вы идиот! – рявкнул Сережка.

– А вы у нас теперь прямо «новые русские», – ехидно при-

щурился мерзкий соседуска, – соответствующие привычки уже приобрели!

На секунду я растерялась. Серега покраснел, а Лиза вдруг громко возвестила:

– Лучше быть «новым русским», чем старым московским склочником!

– Я бы на вашем месте пошел работать, – влез в разговор Кирюшка, – а то жена по соседям побирается.

– Проходи мимо, пока в нос не дали, – шипел Сережа, – пошел вон, урод!

Александр Борисович забежал глазами по сторонам – как все сутяги, он трус, поэтому, поняв, что нас больше, сосед быстро ушел.

И с этого момента он начал военные действия. От нашей двери постоянно исчезает коврик, а ручка часто бывает намазана липкой дрянью. На крыльях машин кто-то пишет известное слово из трех букв, еще самым таинственным образом номер нашего телефона оказался на страницах газеты бесплатных объявлений, текст гласил: «VIP-сауна, девочки и мальчики на любой вкус. Рай для зоофила». Мы не оценили юмора Александра Борисовича и отвечали звонившим мужчинам, говорившим с сильным акцентом: «Ошибка, бани тут нет».

Вот почему мы все чаще стали задумываться о покупке дома в ближайшем Подмосковье. Откуда у нас взялись деньги на столь дорогую затею, объясню чуть позднее. Скажу

лишь, что, кажущаяся на первый взгляд простой, задача оказалась практически невыполнимой. Мы объездили всю область и никак не могли остановиться на каком-либо варианте. Если дом подходил по цене, то он был неудобным внутри, если запрашиваемая сумма, архитектура и дизайн особняка нас удовлетворяли, то не устраивал участок: голый пустырь без единого дерева, а до соседнего здания чуть меньше метра. А когда и ландшафт, и особняк выглядели безукоризненно, от цены оторопь брала.

Я приуныла, остальные члены семьи тоже лишились иллюзий, одна Катя упорно не поддавалась пессимизму. Она скупала газеты, ездила по новым адресам, обзванивала людей... И вот, кажется, подруга схватила удачу за хвост.

– Как только я увидела место, сразу пришла в восторг, – размахивала руками Катюша, – впрочем, пусть Ася Михайловна сама расскажет.

Наша гостья улыбнулась и сразу стала выглядеть еще моложе.

– Признаюсь, – приветливо сказала она, – терпеть не могу, когда люди начинают нудно и долго излагать никому, кроме них, не интересные истории. Но поскольку вы хотите купить дом, то, наверное, должны узнать, что с ним связано. Итак, семья Курочкорябских...

У меня из рук выпала вилка.

– Кто?

Ася Михайловна засмеялась:

– Это моя фамилия, Курочкорябская.

ГЛАВА 3

Лиза и Кирюша переглянулись.

– Ну просто офигеть! – пробормотала девочка.

– Таких фамилий не бывает, – брякнул Кирюша.

Я, старательно скрывая замешательство, сделала вид, что ищу упавший столовый прибор.

Катя округлила глаза, потом быстро сказала:

– Ася Михайловна, извините их, дети частенько бывают...
э... такими... ну, в общем!

– Мне ничего не надо объяснять, – отмахнулась Ася Михайловна, – можете не продолжать! Да и к реакции на свою фамилию я давно привыкла. Понимаю, что у людей она вызывает смех.

– Мы не смеялись, – возразил Кирюшка.

– Просто мы удивились, – отозвалась Лиза.

– Молчите лучше, – предостерег Сережка.

– А вот со мной училась девочка, – влезла в разговор Юля, – ее звали Рита Аполлонова-Страшилова. Мы думали сначала, она нас разыгрывает, потом паспорт увидели и чуть не скончались. Ритка говорила, что ее предки очень родовитые...

Кирюшка вскочил.

– Ты куда? – спросила Катя.

– Уроков полно, – сдавленным голосом пробормотал он и

бросился в коридор.

– Во, приколы! – взвизгнула Лизавета и кинулась за ним.

Из глубины квартиры донесся хохот и топот ног.

– Уж не обижайтесь, – снова покраснела Катя.

– Кому же в голову придет дуться на детей, – ответила Ася Михайловна, – вообще-то, и в самом деле забавно: Курочко-рябская. Ладно, давайте о нас и о доме.

Я положила поднятую вилку на стол и постаралась сосредоточиться на рассказе новой знакомой.

О происхождении фамилии своего отца Михаила Ася ничего не знала. Никаких дворянских корней у семьи не прослеживалось. Книг, в которых содержалась бы информация о предках, они не имели, генеалогическое древо не вычерчивали, и стены их квартиры не украшали портреты в золотых рамах, откуда сурово взирали бы на своих потомков господ в камзолах и дамы в бальных платьях.

Ася знала лишь одно: отец был актер, достаточно известный, дедушка тоже. Чем занимался прадед, ей никто не рассказывал. Мама тоже работала в театре, гримершей, с бабушками Ася никогда не встречалась, они умерли до ее рождения. Кстати, мамина девичья фамилия звучала совсем просто: Петрова. Курочко-рябской она стала после свадьбы. Жила семья в уютном подмосковном местечке, в благоустроенном доме, в котором имелось центральное отопление, горячая вода, телефон и прочие блага цивилизации в виде канализации, электричества и газа. Курочко-рябским принадле-

жал целый гектар. Участок под строительство в свое время, очень давно, в середине двадцатых годов, дали деду-актеру. В те времена о наделах в шесть соток никто и не слыхивал, куски земли раздавались щедро. Дом построили основательно, он стоит до сих пор.

Ася всю свою жизнь провела в родовом гнезде. У семьи была еще и городская квартира, но ею практически не пользовались. Иногда муж Аси, профессор-историк, назначал там встречи аспирантам, жалея молодых людей, которым ради встречи с научным руководителем нужно было ехать на электричке. Кстати, расписавшись со Львом Яковлевичем, Ася не стала Глоткиной. Она оставила свою смешную фамилию, более того, еще дала ее детям: дочери Ольге и сыну Василию. Об этом просил на смертном одре отец.

– Милая, – сказал Михаил, – вот прямо сейчас поклянись, что сохранишь фамилию, а то ты девушка, распишешься, и пропадут Курочкорябские с лица земли.

Асенька, конечно же, пообещала любимому папе исполнить наказ. Она предвидела, что будущий муж может начать скандалить, и была готова дать супругу отпор.

Но судьба свела ее с Львом Яковлевичем, которому было глубоко наплевать на все, кроме монголо-татарского ига. Уже в молодые годы Лева был крайне рассеян, неприхотлив в быту, не умел вбивать гвозди, шарахался от любых работающих механизмов и без всякого сопротивления отдал руль управления семейной лодкой в крепкие руки Аси.

Несмотря на то что все тяготы жизни упали на ее хрупкие плечи, Ася была счастлива. Лева одну за другой завоевывал научные вершины: кандидат наук, доктор, профессор, академик... На полках теснились написанные им толстые учебники.

Невзирая на научные успехи, особых денег Лева не имел. Асе приходилось много работать, чтобы достойно содержать семью. Она не роптала, занималась любимым делом. Ася – великолепный переводчик, количество переведенных ею на русский язык произведений не уступает числу учебников, созданных Львом Яковлевичем. Но жили они все равно скромно, двое детей не дешевое удовольствие, а еще нужно содержать дом. Потом сын Курочкорябских неожиданно разбогател. Василий сначала добыл где-то вагон повидла, который удачно толкнул на Украине. Из Киева на вырученные деньги привез сахар, продал его в Москве, приобрел пару цистерн с бензином...

Получив на руки астрономическую сумму, Вася, в отличие от многих своих коллег, не стал больше рисковать. Деньги он вложил в собственный легальный бизнес и вскоре разбогател.

Потом Василий возвел на участке, где стоял родительский дом, еще один – кирпичный, теплый коттедж – для себя. Но жить в нем Василий и его жена Света не стали. И теперь здание выставлено на продажу.

– Когда его возвели? – спросил Сережа.

– Года два назад, – ответила Ася Михайловна.

– Долго строили? – поинтересовалась Юля.

Ася кивнула:

– Сначала лес вырубали, котлован рыли, коммуникации тянули.

– А почему Василий со Светой не въехали, когда здание закончили?

Ася Михайловна вздохнула:

– Ну... отец воспротивился. Дескать, нехорошо жить отдельно.

– Ну и странность, – покрутил головой Сережка, – что ж он молчал, пока шло строительство?

– Он не знал.

– Чего?

– Ну... что Васенька строит.

– Не видел рабочих?

– Нет. Участок большой, деревья скрывали площадку.

– Не слышал шума?

– Нет.

– И разговоров о доме?

– Нет.

– В такое мало верится, – вырвалось у меня.

– Вы просто плохо знаете Льва Яковлевича, – вздохнула Ася Михайловна, – он, если работает... а пишет муж всегда... в общем, его в нашем мире нет.

Сережа нахмурился:

– Ну, предположим. А сейчас почему дом продаете?

Ася Михайловна склонила голову набок:

– Мой сын погиб, трагически, нелепо, глупо... Светлана, его вдова, осталась с нами. Она категорически отказывается входить в здание, где планировала вести счастливую семейную жизнь. Ольга, сестра Васи, тоже не хочет селиться в доме, где все напоминает о брате. Коттедж пустует. Сейчас нам понадобились деньги, потому мы и решились на продажу. Вы не сомневайтесь, все документы в порядке, место замечательное. – Это верно, – подхватила Катя, – с одной стороны, дом буквально в двух шагах от Москвы, с другой – коттеджный поселок...

– Приезжайте завтра и посмотрите, – предложила Ася Михайловна, – около полудня вас устраивает?

– Да, – быстро сказала Катя, – очень хорошо!

Я покосилась на подругу. Однако ей очень понравилось место, если она сразу соглашается привезти туда нас в столь неудобное для себя время. Напомню, что Катюша – хирург. Две-три операции в день для нее нормальное дело, и в полдень подруга занимается очередным больным. Она никогда не отменяет запланированных операций, для Кати работа всегда имеет приоритет, и вот, пожалуйста, ради дома она готова изменить своим принципам.

– Вообще-то, – протянула Юлечка, – мне завтра не слишком удобно, у нас клиент. Лучше в воскресенье.

Лицо Кати потускнело.

– В выходные тоже подойдет, – пробормотала она.

– Ничего не имею против, – улыбнулась Ася Михайловна, – вы мне очень понравились, я люблю животных и большие, дружные семьи. Думается, мы могли бы очень хорошо жить рядом. Но хочу вас предупредить, деньги нам нужны спешно, поэтому, если до воскресенья кто-то еще прочитает объявление, придет и скажет: «Покупаю», естественно, коттедж достанется ему.

Катюша поникла. Сережка посмотрел на мать и заявил:

– Ну и фиг с ним, с клиентом, дом важнее.

– С ума сошел, – начала Юля, но потом вздрогнула – очевидно, супруг пнул ее под столом ногой – и мгновенно сменила тон: – А и верно! Значит, завтра в полдень!

На губах Катюши появилась совершенно детская, счастливая улыбка.

– Надо съездить на цветочный рынок, – мечтательно протянула она, – и подобрать там кое-что для посадок...

Я вздохнула, Катя – страстный садовод. Господь одарил ее разными талантами, в частности, редкостным даром к выращиванию растений. Лично у меня быстро умирают даже неприхотливые кактусы, а Катюша воткнет в землю железную банку, и из нее вырастет огромный куст, украшенный консервами.

Утро выдалось пасмурным, мрачным. Серые тучи низко висели над городом. В такие дни на меня наваливается полнейшая апатия и нежелание двигаться, лучше всего прове-

сти сутки под одеялом, изредка вылезая из-под него, чтобы выпить чаю и съесть что-то вкусное. Но, увы, вечером мне предстоит вести эфир на радио «Бум», а в полдень нас ждет Ася Михайловна.

К дому Курочкорябских мы прибыли вовремя и почти в полном составе. Ради осмотра особняка и участка Катюша отменила операции, Володя с Юлей не пошли на работу, а Кирюшка с Лизаветой пропустили школу. Впрочем, дети охотно делали бы это каждый день. Не хватало лишь Сережки. Ему так пришлось ехать на встречу с клиентом, который оказался провинциалом, прибывшим в Москву издалека, он не мог задержаться в столице более чем на сутки.

Сквозь серую пелену морозящего дождя мы покатали по шоссе. Всю дорогу Катя с несвойственным ей ажиотажем рассказывала о своих планах.

– Там два этажа и мансарда. Подвала нет, но это и к лучшему, иначе может возникнуть проблема с грунтовыми водами. Котел есть...

Я слушала ее вполуха, голова гудела от собственных мыслей.

– Видишь, – бубнила подруга, – асфальт прямо до ворот! Впереди возник шлагбаум. Охранник в черной форме вышел из домика, посмотрел на номера наших машин и кивнул головой. Полосатая перекладина стала медленно подниматься.

– И безопасность на уровне, – тут же отметила Катюша, –

так, нам сюда, Сиреневая улица.

У больших железных ворот стояла жена академика.

– Здравствуйте, Ася Михайловна, – сказала Катя, притор-
мозив около дамы.

– Вы точны, как часы на Спасской башне, – восхитилась хозяйка, – кстати, прошу, обращайтесь ко мне просто по имени, без отчества. Я очень не люблю, когда меня величают «Михайловна», от этого кажусь себе старой графиней из «Пиковой дамы».

– Ну, в старуху вы превратитесь лет через пятьдесят, – улыбнулась я.

– Спасибо, – кивнула Ася, – вся беда в том, что, старея внешне, чувствуешь себя юной девушкой. Мне в душе не больше двадцати лет. Льва Яковлевича это иногда раздражает, он-то выглядит на свой возраст.

– А нам тоже звать вас Асей? – решил уточнить Кирюша.

– Тетей Асей, – мгновенно поправила я.

– Ни за что! – возмутилась дама. – Тетя! Ужасно, еще хуже, чем бабушка. Ася – и точка! Ладно, хватит о пустяках. Если дети слегка подвинутся, я влезу к вам и покажу дорогу.

– А мы еще не приехали? – удивилась я.

Ася уюстилась на заднем сиденье:

– Это въезд в наш дом, а ваш дальше, здесь налево. Хочешь?

– Что? – удивилась я.

Ася сунула мне пакетик:

– Сухарики «Кириешки», очень вкусные.

– Спасибо, – быстро отказалась я.

– Ну и зря, – улыбнулась Ася, положила в рот несколько сухариков и захрустела.

Спустя пару минут мы очутились перед другими воротами. Хозяйка щелкнула пультом, створка медленно поехала влево, и перед моими глазами возник лес. Между деревьями прятался дом, не очень большой, обложенный коричневым кирпичом, с ярко-синей черепичной крышей.

Мы подошли к красивой дубовой двери. Ася открыла ее.

– Ну, прошу! – воскликнула она.

На осмотр мы потратили два часа. Внутри здание оказалось огромным. На первом этаже две просторные комнаты, ванная, туалет, прихожая, холл, кухня, столовая, гостиная... Кроме того, слева от жилых помещений на том же этаже была баня. Здесь же располагалась и холодная кладовка для продуктов. Удобная лестница с широкими ступенями вела наверх. На втором этаже имелись две комнаты, столько же ванн и туалетов. Разделял помещение овальный холл, отведенный под библиотеку. А еще тут имелась гардеробная. В комнатах были огромные окна и крытые балконы, но больше всего мне понравилась мансарда. Две здоровенные спальни с изломанными потолками, санузлы и опять гардеробные.

– Я живу тут! – хором заорали Кирюша и Лиза, бросаясь в комнаты на чердаке.

Ася улыбнулась:

– Правильно. Здесь и были задуманы детские. Кстати, везде проведены телерозетки, гнезда для телефона.

Вовка покачал головой:

– Впечатляет.

– Мы с Сережкой будем жить на первом этаже, – подскочила Юля, – не хочу бегать по лестницам. А Лампа с Катей на втором, как раз им по спальне с ванной!

– Тут везде стоит мебель, – сказал Костин.

– Да, – кивнула Ася, – кухня итальянская, три холодильника, стиральная машина, посудомойка. Шкафы в библиотеке, кровати в спальнях, тумбочки, кресла – это на заказ. Не поверите, все наше, отечественное. А как смотрится! Занавески мы подбирали в тон стенам, электроприборы...

– Просто удивительно, – пробормотала Катя, – все оформлено как будто для меня.

Я кивнула:

– Верно. Моя любимая нежно-бежевая гамма, а мебель из дуба такая основательная, это тебе не шкаф из опилок!

– Если вы купите этот дом, то ничего и делать не потребуется, – улыбнулась Ася, – только вещи перетащить. Потом украсите по собственному желанию, купите всякие мелочи...

– Вот и хорошо, – протянул Вовка, – а я останусь в городе.

– Почему? – удивилась я.

– Так для меня комнаты нет!

Ася показала рукой на стоящий чуть поодаль домик, тоже

из кирпича, с синей крышей, уменьшенную копию основного здания.

– Это гараж, а наверху квартира: две комнаты, кухня, санузел, гардеробная. Он продается вместе с домом и включен в его стоимость.

– Класс, – подскочил Костин.

– Можно цветы посадить, – мечтательно протянула Катюша.

– Шашлык жарить! – воскликнула Юлия.

– И собакам хорошо, гоняй весь день по саду!

– А воздух, воздух какой?!

– И соседей нет!

– Участок большой, делай что хочешь!

– Значит, мы его берем? – завопил Кирюша. – О, классно!

– Это как Лампа рассудит, – повернулась ко мне Катя.

– Ну, Лампудель, – хмыкнул майор, – кто денежки платит, тот девочку и танцует, скажи свое веское слово олигарха, обремененного мешком с золотыми дублонами!

ГЛАВА 4

Все уставились на меня. Я попятилась:

– Ну, сами решайте. Вообще-то мне очень нравится. Кстати, сколько стоит сия красота?

Ася назвала сумму. Костин закашлялся, но я, в отличие от Вовки, не испугалась. Дело в том, что у меня есть необходимые средства. До недавнего времени мне принадлежала роскошная многокомнатная квартира в тихом центре Москвы. Сама я давно живу вместе с Катей, с апартаментами же были связаны настолько малоприятные воспоминания, что я не захотела даже сдавать их, просто заперла на ключ, и все. Но потом произошла одна весьма неприятная история, и я решила продать жилье, в котором никогда не была счастлива, вместе с обстановкой, занавесками, кухонной утварью, постельным бельем и книгами. Я выставила на продажу даже собрание сочинений нежно мною любимых Александры Марининой и Татьяны Поляковой. Потом отправилась в магазин и приобрела их произведения заново. Я не хотела ничего из той, прошлой жизни. Наверно, глупое, но единственно возможное для меня решение.

Суммы, вырученной от квартиры, не хватит на покупку дома. Но у меня еще есть коллекция картин, доставшаяся от родителей. Если сегодня позвонить известному собирателю Анатолию Загорькину, который давно положил глаз на пару

портретов кисти великих русских художников, то через два часа я буду иметь все средства для приобретения сего райского местечка.

Анатолий настолько хочет получить полотна, что приведет нам деньги мгновенно, боясь смены моего настроения.

– Ну, – торопил меня Вовка, – так как?

Я посмотрела на своих. Лиза и Кириуша мысленно уже живут в мансарде, Катя сажает георгины, Юлечка жарит шашлык, а Костин обживает квартиру над гаражом. Да и собаки будут счастливы: огромный сад, просто парк... Но почему на душе так тяжело? Почему я ощущаю некий дискомфорт?

– Если убранство вам не по вкусу, – предложила Ася, – мы все вынесем, забирайте дом «голым», цена, естественно, станет ниже. Но тогда вы на некоторое время лишаетесь гаража, потому что нам придется складировать там шкафы, полки и диваны, пока на них не найдется покупатель.

– Тебе что-то не нравится? – тихо спросила Катюша.

В ее голосе звучала такая безысходность пополам с тоской, что я моментально воскликнула:

– Все просто великолепно, не дом, а мечта!

Вздых облегчения вырвался у всех. Ася слегка покраснела и быстро сказала:

– Замечательно, знаете, мне очень не хотелось отдавать коттедж неприятным людям. И потом, мы же теперь будем соседями. Вместе с домом вам отходит и сорок пять соток земли, включая, естественно, ту территорию, которую зани-

мает здание. Можете прямо завтра переезжать!

– Но сначала следует оформить покупку, отдать вам деньги! – воскликнул Костин.

Ася замахала руками:

– Это ерунда, главное, мы ударили по рукам, а формальности соблюдем, но на них потребуется некоторое время. Сегодня первое апреля. В мае в городе станет невыносимо: душно, пыльно, грязно. Берите необходимые вещи – и вперед. Мы же с вами, похоже, не мошенники, обманывать никто никого не собирается.

Катя заломила руки:

– Господи, вот счастье! Мне положен отпуск! Возьму его прямо завтра и за пару дней все перевезем.

– Я повешу свои картины с собачками, – подхватила Юля.

– А я все диски расставлю, – затараторила Лиза, – теперь место есть.

– Можно будет по вечерам с ребятами пивка похлебать, – заявил Костин, – и курить, сколько душе угодно!

Потом все принялись бурно обсуждать детали предстоящего переезда, но мне отчего-то становилось все хуже и хуже, в воздухе словно витало предчувствие беды.

– Если хотите, – сказала Ася, – можете поставить забор, мы тогда вообще никогда не встретимся. Хотя лично я бы с огромным удовольствием напрашивалась в гости. Кстати, я развожу цветы, могу похвастаться редкими, даже уникальными экземплярами, например, у меня есть клумба с розо-

выми ландышами.

Катя подскочила:

– Да ну! Мечта всей моей жизни их увидеть.

Ася улыбнулась:

– Могу дать вам несколько штук. Я забыла сказать: у нас в доме выделенная линия Интернета, если хотите, присоединяйтесь.

– Супер! – завопили Лиза с Кирюшкой. – Никакого модема! Ну класс! Не будет выносить в самый интересный момент из чата.

Ася повернулась к Костину:

– А пиво тут продают неподалеку, его варит маленькое частное предприятие. Соседи пробовали и очень хвалили.

– Скажите, пожалуйста, – потер ладони Вовка, – вот это совсем уж интересно.

Ася кивнула:

– Еще у нас огромная библиотека. Лев Яковлевич всю жизнь собирает детективы и совершенно не стесняется своей любви к криминальному жанру. Чего только у него нет!

Я подскочила:

– А кто именно из авторов?

– Из современных российских все, – ответила Ася, – даже те, кто, на мой взгляд, совершенно отвратительно пишет. А из зарубежных тоже полный набор, начиная с Эдгара По. Лучший отдых для моего мужа – это вечер с чашечкой чая и любимой книгой.

Я почувствовала в незнакомом Льве Яковлевиче родственную душу.

– А ваш супруг дает книги почитать? Некоторые собиратели не разрешают чужим людям даже приближаться к полкам.

– Лев Яковлевич с огромным удовольствием пускает всех в свою библиотеку, – отозвалась Ася, – ему вообще несвойственно такое качество, как жадность.

– Господи, – прошептала Катя, – хорошо-то как! Вы только вдохните этот воздух.

Все усиленно зашмыгали носами.

– Лично я, – заявила Ася, – просто умираю в Москве, а тут...

В моем кармане затрезвонил мобильный, я отошла чуть в сторону от всех и сказала:

– Алло.

– Ну как у вас дела? – спросил Сережа.

– Восхитительно, – отозвалась я, – дом роскошный, участок выше всяких похвал, цена устраивает, а еще Ася готова поделиться с Катей цветами, здесь выделенная линия Интернета, а Лев Яковлевич собирает детективы. Нет, ты прикинь...

– Лампудель, – нервно прервал меня Сережка, – можешь сказать им, что я задерживаюсь и домой попаду лишь к полуночи?

– Конечно, – растерялась я. – А что случилось?

– В аварию попал, – мрачно пояснил он, – машина всмятку, только на металлолом сдать.

– Ты цел?!

– Тише, – шикнул Сережка, – незачем так орать. Со мной, как ни странно, ничего не случилось, хотя, по идее, должен был стать покойником! Меня зажало между двух холодильников, знаешь, такие здоровенные фуры. У моей машины все четыре двери теперь в один ряд идут, просто картина Репина под названием: «И какой же русский не любит быстрой езды!»

– Ужасно! Ты где?

– В больнице.

– Господи! Ты ранен?

– Лампища-дурища, – прошипел Сережа, – надо слушать собеседника ухом, а не брюхом. Сказал же: я цел и невредим, просто весь поцарапался. Смотри, никому ни слова.

– Говори адрес клиники.

– Зачем?

– Я приеду к тебе.

– Ни за что! Сам доберись до дома, главное, никому ни слова.

– Но как ты думаешь скрыть факт аварии? – удивилась я. Сережка закашлялся:

– Да просто. Тачка застрахована по полной программе, и она еще новая. Мне выдадут деньги, я быстро приобрету другую такую же, и дело с концом. А пока скажу, что машина в

ремонте. Ну... например, ремень генератора лопнул.

– Его можно быстро поменять, а страховая компания пока почешется!

– Ладно, что-нибудь придумаю!

– Но номера будут другие, все поймут!

– Ну-ка, назови хоть одну цифру, – велел Сергей, – живо.

Я замялась:

– ...э... извини, не помню. Мне бы свой номер в голове удержать.

– Можешь быть уверена, другие такие же внимательные.

– Но как ты попал в аварию? – не успокаивалась я.

– Не знаю, – рывкнул Сережка, – словно подстроил кто!

Выскочили два безумных рефрижератора из такого места, где никто их не ждал, и зажали меня. Говорю же, чудом уцелел. Ладно, вечером пошушукаемся, батарейка садится.

Я сунула сотовый в карман. Вот ужас-то! Сейчас на дорогах полно совершенно безголовых людей, которые попросту купили права, еще по магистралям Москвы рулят гастарбайтеры, непривычные к интенсивному движению. Впрочем, кое-кому вообще никогда не следовало бы садиться за руль, есть индивидуумы, которые совершенно не способны управлять автомобилем. Таких хоть сто лет учи, а толку не будет.

Домой мы приехали в радостном возбуждении. Дети сразу кинулись собирать чемоданы. Я пошла в свою комнату, вытащила калькулятор и призадумалась.

– Считаешь капиталы? – спросил, вваливаясь без стука,

Вовка.

– А что? – насторожилась я.

– Лампудель, немедленно пообещай мне, что не станешь вручать всю сумму Асе Михайловне до оформления бумаг, – велел Костин.

– Но она же пустила нас в коттедж. Дом фактически наш.

– А юридически нет. Доллары передашь только в присутствии нотариуса!

– Ты очень подозрителен! Ася такая милая.

– Лампа!

– Хорошо, хорошо, – закивала я, – да и нету их пока в полном объеме. Картины еще продать надо.

– Вот и отлично, – повеселел Вовка. А потом возвестил: – Слышь, Лампудель, тебя не затруднит распахать мои скромные пожитки по узлам?

– Лучше собираться самому, – я попыталась отвертеться от навязываемой работы.

– Так мне на службу пора, – заявил Костин.

– Между прочим, я тоже занята, – парировала я.

Вовка скривился:

– Сравнила нос с пальцем! Сидишь себе и лопочешь глупости в микрофон, а я очищаю город от преступников.

С этими словами он схватил с вешалки куртку и был таков. Я молча посмотрела ему вслед. «Лопотать глупости» в микрофон не так легко, как кажется. И потом, за мою простую на первый взгляд работу платят больше, чем Костину

за благородную борьбу с криминалитетом. Но делать нечего, придется запаковывать и Вовкин скарб. Все-таки мужчины на редкость ленивы! И Костин абсолютно не логичен! Деньги отдавать не велит, а переехать уже собрался, но так же нельзя, если вселяешься в дом, отстегивай тугрики. Ладно, я поступлю по-своему. Всей суммы и впрямь нет, но Анатолий Загорькин охотно купит картины, прямо завтра поеду к нему.

– Лампа, к телефону! – заорал Кирюша и швырнул трубку.

Я изловчилась, поймала ее, погрозила мальчику кулаком и сказала:

– Слушаю.

– Евлампия Андреевна Романова? – спросил милый женский голос.

– Да.

– Ваш телефон дал нам главный редактор радио «Бум» Александр Семенович. Знаете такого?

– Конечно, он мой начальник.

– Замечательно. Как вы относитесь к телевидению?

– Ну... положительно, а что?

– Хотите работу?

– Какую?

– Мы делаем утренний эфир, – защебетал голосок, – простите, я не представилась, Таисия Аляско, продюсер. Нам нужен гостевой редактор.

– Это кто такой? – не поняла я.

– Человек, который приглашает гостей в студию, – тарак-тела Таисия, – уговаривает их прийти и работать в эфире. Ей-богу, плевое дело, а оклад – ого-го!

Услыхав сумму, я крякнула. Конечно, не ого-го, но если сложить ее вместе с рублями, заработанными на радио «Бум», тогда получится просто «ого», без «го», но все равно приятно. И потом, деньги никогда, во всяком случае в нашей семье, не бывают лишними.

– С огромной радостью, – перебила я Таисию, – но у меня эфир на радио, боюсь, не сумею совместить две службы.

– Ерунда, я же сказала, мы ранняя передача! Мотор в пять тридцать утра, в десять конец, и ты свободна, как ветер, – Таисия перешла со мной на «ты», – успеешь и на «Бум», и на второй «Бум», и на третий. Шикарное предложение, мы его лишь по одной причине делаем: берем на программу только своих, а тебя Александр Семенович очень хвалил.

– В пять тридцать утра?! – ужаснулась я. – Мама родная! Во сколько ж встать надо!

– Фу! Прямо слушать смешно! В четыре вскочишь, в полпятого за тобой машина придет.

– У меня своя есть.

– Ваще класс! Где живешь-то?

– Ну... за город переезжаю, близко от МКАД.

– Вмиг долетишь. Утром на дороге никого, я сто восемьдесят развиваю.

Я тяжело вздохнула. Моя машина просто развалится на

такой скорости. Хотя если я приму предложение говорливой Таисии, то, вероятно, сумею купить себе что-нибудь попривлекательней. Впрочем, продав одну из принадлежащих мне картин, я давно могла бы стать владелицей престижной иномарки, но я никогда не стану разбазаривать коллекцию попусту.

– Вот что, Евлампия... прости, а как тебя нормально звать?

– Лампа.

– Ага! Давай договоримся, человек нам нужен с десятого мая. Ей-богу, фиговая работа. У тебя «Бум» ежедневно?

– Нет, два раза в неделю.

– Ваще не стоит париться! А у нас семь дней пашешь, потом неделю отдыхаешь.

– Хорошо, а где вы находитесь?

– Оста...

В ухо полетели гудки. Я замерла с трубкой в руке. Разъединилось. Бывает такое, сейчас Таисия наберет номер снова. Телефон затрещал.

– Останкино, – сказала я, – поняла, дальше!

Но вместо щебета Таисии в ухо ворвался скрипучий голос мужчины:

– Романова! Ищи убийцу Курочкорябского.

По моей спине побежали острые мурашки страха, уши загорелись. С той стороны провода был парень, схвативший меня за горло на стройке.

– Подонок, – выкрикнула я, – что тебе надо!

– Ищи убийцу Курочкорябского, иначе хуже будет. Все погибнут! Думаешь, трудно автокатастрофу подстроить? – издевался преступник.

Я на секунду онемела, а потом с трудом выдавила из себя:

– Так это ты!

– Что – я?

– Растер Сережку фурами!

Повисло секундное молчание. Затем негодяй заявил:

– Ищи Курочкорябских, отрывай убийцу, иначе всем твоим каюк, мы шутить не любим!

Ощущая себя героиней кинофильма, снятого плохим режиссером, начитавшимся криминальной хроники, я проблеяла:

– Да, конечно, но только кто вы?

– Тебе имя, фамилию и адрес по прописке сообщить? – хрюкнул собеседник.

– Нет... но... понимаете... как же я сообщу, если найду убийцу? Никакой связи с вами не имею!

– Я сам позвоню.

– Когда?

В трубке послышался смешок.

– Завтра, успеешь обернуться?

– Нет, конечно.

– Тогда первого мая. Но имей в виду, не разберешься – капец твоим близким. Работай, лохушка. От тебя – данные киллера, все! Иначе... И не вздумай пойти в милицию или

навякать дома про меня! Ой, худо будет. У нас везде свои люди!

– Поняла, – быстро ответила я, чувствуя, как ноги становятся ватными. – Кстати, я вовсе не лохушка! Уже нашла семью Курочкорябских!

– ... – вылетело из трубки, – гонишь!

– Во все нет. Ася Михайловна, Лев Яковлевич, их дочь Ольга, невестка Света, живут за городом. Конечно, я проверю, но, думаю, в столице, кроме них, нет людей с такой фамилией.

Из трубки понеслись короткие гудки, либо сбой на линии, либо негодяй сам решил прекратить затянувшийся разговор.

Я в растерянности посмотрела в окно. Как поступить? Сказать Вовке об идиотской ситуации? Майор мне попросту не поверит. Сообщить ему, что авария была подстроена? Но тогда мне по полной программе достанется от Сергея, тот вовсе не собирается рассказывать близким о произошедшем. Кстати, правильно делает. И Катя, и Юля разволнуются до крайней степени. У Юлечки снова откроется аллергия, ее обсыплет пятнами, а у Катюши, не дай бог, начнется сердечная аритмия. Пару месяцев назад подруга не сумела встать с кровати, так сильно кружилась у нее голова. Я ужасно испугалась, увидав, как Катя падает, и вызвала «Скорую». Тот приступ спровоцировала одна неприятная ситуация, заставившая Катю сильно понервничать. Если она сейчас задержится, болячка снова вцепится в нее.

Телефон зазвенел вновь. Я поднесла трубку к уху:

– Алло.

Невидимый мерзавец, вынуждавший меня плясать под свою дудку, добился нужного эффекта. Я согласна на все. Страх за родных – самая лучшая плеть. Я не боюсь ни болезней, ни боли, ни смерти, но абсолютно не способна видеть терзания близких.

– Пиши давай, – заорала Таисия, – центральный подъезд, паспорт обязателен! Пока договариваемся на десятое мая. Накануне сделаю контрольный звонок.

– Хорошо, – ответила я и прижала к груди трубку.

Делать нечего, придется разбираться в ситуации. Авария, подстроенная для Сережки, говорит о том, что я попала в поле зрения людей, которые не любят шутить. Наша семья на самом деле находится в опасности, и только я сумею спасти своих близких.

Неожиданно оцепенение спало. Хватит маяться дурью, действуй, Лампа! У мерзавцев небось и правда везде свои люди, Сережку спасло только чудо. Значит, придется разруливать ситуацию самолично, не сказав родным ни словечка! Интересно, почему бандит обратился именно ко мне? Отчего сам не занялся этим делом? Зачем ему убийца Курочко-рябского? И кого у них убили? Сына Васю? Ася говорила, что он погиб трагически, нелепо... Ладно! Я всенепременно разрою все до дна и не только найду убийцу, но еще и обнаружу того, кто решил втянуть меня в эту историю. И вот

тогда плохо ему будет! Негодяй не знает, с кем связался. Я тихий интеллигентный человек, но меня не надо злить!

ГЛАВА 5

Утром я подстерегла Вовку и велела:

– Проверь по своим каналам, сколько в нашем городе людей с фамилией Курочкорябские.

– Зачем? – спросил Костин, запихивая в рот огромный бутерброд.

– Как ты можешь есть такое? – возмутилась я.

Майор быстро заморгал:

– А что? Колбаса не свежая?

– У нас в холодильнике не бывает тухлых продуктов!

– Тогда в чем дело?

– Только посмотри на сэндвич! Белый хлеб, масло, сыр, колбаса, опять сыр и толстый-толстый слой майонеза!

– Ну и?

– Здесь же полно холестерина! А калорий сколько! Ты сейчас слопаешь дневную норму белков, жиров и углеводов за раз, а потом начнешь переживать из-за лишнего веса!

– Лампудель, – с набитым ртом пробормотал майор, – мне глубоко наплевать на объем талии! Есть очень хочется, извини, конечно, за грубую прозу жизни. Кстати, зачем тебе информация о Курочкорябских?

– Мы совсем не знаем этих людей. А собираемся совершать с ними сделку на несколько сотен тысяч долларов! Вдруг они мошенники?

– Угу, – пробормотал Вовка, доедая чудовищное сооружение, – ты наконец-то становишься разумной.

– Уточни, кто такие Курочкорябские, и сразу сообщи мне, а то Катя уже развила бешеную деятельность, вон полквартиры сложила!

Костин кивнул и убежал. Наверное, я посеяла в его душе семена тревоги, потому что спустя короткое время он перезвонил мне и сообщил:

– Лев Яковлевич ученый. Ася Михайловна отличный переводчик. Сын у них погиб, сгорел на пожаре.

– Да ну?!

– Ага, жуткая история. У Курочкорябских имеется квартира в городе, ею редко пользовались, Василий остался там ночевать, уж не знаю по какой причине, ну и начался пожар. Ничего криминального. Дом давно без ремонта, проводка старая, вот и полыхнуло.

Я молча переваривала информацию. Так вот чью смерть предстоит мне расследовать. Василий был убит, квартира занялась не из-за короткого замыкания.

– Его вдова, Светлана, осталась с родителями мужа. Ольга, дочь Аси и Льва, – спокойно продолжал Вовка, – работает в НИИ, в лаборатории, там какие-то лекарства делают, она незамужем. Детей не имеет никто, ни Оля, ни Света. Живут одной большой семьей. Ни в чем плохом не замечены.

– Интересно, зачем им понадобились средства, – пробормотала я.

– Разное случается, – протянул Вовка. – Очень прошу, погоди отдавать им деньги, не спеши. Ася же нас пока не торопит!

– А еще люди с такой фамилией есть?

Костин усмехнулся:

– Нет нигде. Ни в столице, ни в Питере, ни в Омске, ни в Перми. Ни в одном городе огромной России, эти Курочкорябские единственные, что, учитывая дикость фамилии, в общем, неудивительно. Ладно, мне пора на планерку.

Я села на табуретку около входной двери. Понятно. В мою задачу входит найти убийцу Василия Курочкорябского. И еще, деньги Асе я теперь отдам со спокойной душой.

Вручая Асе тугие пачки долларов, перехваченные резинками, я попросила:

– Не говори нашим, что я уже рассчиталась.

– Ага, – кивнула та, – ясно! Молчу, как лопата. Кстати, давай расписку тебе дам, а?

Я улыбнулась:

– Во-первых, ты не похожа на мошенницу, во-вторых, мы уже почти поселились тут, остались лишь формальности, в-третьих, мне некогда шляться по нотариальным конторам. Дай честное слово, что сделка завершится нормально.

– Клянусь, – торжественно ответила Ася.

– Отлично, у меня отпала одна забота, – воскликнула я, – теперь смогу спокойно заниматься своими делами!

Но все оказалось не так просто.

Поставив перед собой цель, я ровно неделю не могла сделать даже крохотного шажка в направлении расследования. Говорят, один переезд равен двум пожарам, поверьте, это неправда. Переезд – это ужас, катастрофа, встреча с Годзиллой... Слов не хватит, чтобы описать ситуацию. И потом, я и предположить не могла, сколько у нас барахла, просто немалая куча.

С какой стати мы развели целое стадо керамических свиней? Может, пошвырять их тихонько в помойное ведро, а потом сказать, что фигурки разбились? Приняв решение истребить на корню некстати расплодившуюся свиноферму, я сложила низ футболки ковшиком, свалила туда ни в чем не повинных хрюшек и потопала на кухню. Жить кичу оставалось от силы пару минут. Но тут, как на грех, из комнаты вырулила Лиза и заорала:

– Эй! Поосторожней. Разве можно таким варварским образом обращаться с моими обожаемыми статуэтками? Надеюсь, ты не собираешься их свалить в коробку прямо так?

– Нет, – мгновенно соврала я.

Хотя почему «соврала»? Я на самом деле не собиралась класть глиняных монстров в ящик. Просто предполагала вышвырнуть красоту в мусоропровод и со спокойной душой забыть о ней.

– Надо завернуть каждую в туалетную бумагу, – причитала Лиза.

– Хорошо.

– В три слоя.

– Ладно.

– Смотри не забудь!

Пришлось нежно пеленать уродов.

Следующей моей попыткой сократить количество перетаскиваемых узлов было желание избавиться от горы пыльных камней, невесть зачем валявшихся у Кирюшки наверху шкафа. Но когда я, покидав булыжники в пакет, вышла в коридор, мальчик заорал, как кот, которому одновременно прищемили хвост, голову, лапы, живот, шею и все остальное, чем богат самец этого вида млекопитающих.

– С ума сошла! Моя коллекция! Ты свалила ее, словно мусор!

– Грязные, пыльные обломки – коллекция?

– Да!

– Но они лежали тут незнамо сколько лет.

– И что из этого?

– Значит, они тебе не нужны.

– Нет! Это камнебарий.

– Ты о чем? – не поняла я.

– Камнебарий, – повторил Кирюша, – гербарий – сушеные травы, а камнебарий...

– Сушеные камни, – мигом подхватила Лиза, – во дурак!

Конечно же, вспыхнул скандал, плавно перешедший в драку. Результатом военных действий стали шесть царапин

на щеках Кирюшки и синяк на ноге у Лизы. Камнебарий пришлось упаковывать, а вместе с ним и кипу старых журналов, которые оказались «картотекой», разбитый пластиковый стакан, смятые плакаты, какие-то гнутые железки и непонятную конструкцию из проволоки и гаек.

Но это были еще цветочки. Ягодки поспели, когда я вытащила с антресолей чемоданы, набитые давным-давно забытым хламом. Домашние накинулись на них, как изголодавшиеся коршуны на стадо тучных кроликов.

– Моя пожарная машинка!

– Вау, красные замшевые перчатки!

– О-о-о! Вот где лаковая сумочка.

– И вельветовые брюки!

– А галстук! Да я его обыскался.

– Бусы из ракушек! Любимые!

Я попыталась вразумить домочадцев, спокойно объясняя:

– Машинка потеряла все колеса, на перчатках пятно, лаковая сумка покорибилась, галстук вышел из моды, а в эти брюки, спору нет, замечательные, ты, Вовка, не влезешь никогда!

– Почему? – с раздражением поинтересовался Костин, теребя штаны.

– Да потому что они сорок восьмого размера, а тебе сейчас и пятьдесят второй мал!

Думаете, меня послушали? Ошибаетесь! Прижав к сердцу барахло, домашние, на все корки ругая расточительную

Лампу, собравшуюся лишить их столь великолепных вещей, стали внимательно следить, что появится из других загашников.

Я молчала. Ладно, пусть тащат с собой бархатные занавески, смятый самовар, ватное одеяло, похожее на изжеванный коровой лист капусты, и скукоженную резиновую клизму. В конце концов, в новом доме огромные гардеробные, свалим туда «раритеты» и похороним.

Вышла я из себя только один раз, когда заметила, что Юля впихивает в тюк нечто кричаще-розовое, с полуоторванными воланами.

– Зачем тебе сия дрянь! – взвыла я.

– Это мое платье, – рассердилась Сережкина жена, – выпускное! Между прочим, оно из натурального шелка, знаешь, сколько такое стоит?

– Чего же ты его не носишь? – ехидно спросила я.

– Оно вышло из моды.

– Зачем хранишь?

– Я, между прочим, рачительная хозяйка, – серьезно заявила Юлечка, – вот родится у меня дочь, будет ей лет семнадцать, мода вернется. Наденет она платьице...

Я предпочла ретироваться. Да, модные тенденции имеют обыкновение ходить кругами. Мини-юбки сменяют макси, и наоборот. Но вот фурнитура, всякие пуговицы, пряжки, отделка... Девочка, нацепившая на себя мамин прикид двадцатилетней давности, будет выглядеть по меньшей мере глупо.

Но я не стану спорить с Юлей, из-за одного крохотного лоскута ткани, выброшенного в помойку, общая картина не изменится.

В субботу прибыли грузчики и машина. Парни, одетые в синие щеголеватые комбинезоны, начали вытаскивать коробки, чемоданы, пакеты...

– Вы, хозяйка, не волнуйтесь, – сказал старший, – мы очень аккуратные, ничего не побьем.

– А потерять можете? – с робкой надеждой спросила я.

Бригадир уставился на меня круглыми испуганными глазами.

– Потерять? Что вы имеете в виду?

Я ткнула пальцем в огромную красно-белую сумку, набитую рухлядью с антресолей.

– Если эта дура исчезнет в процессе перевозки...

– Ну что вы! – воскликнул мужик. – Это просто невозможно! Наша фирма существует вот уже десять лет. Как вы думаете, стали бы к нам обращаться клиенты, если б вещички у них испарялись? Не сомневайтесь, доставим все до последней ниточки.

Я горестно вздохнула. Грузчик не дал мне договорить, я хотела ведь сказать:

– ...буду вам очень благодарна.

– Эй, Митька! – заорал тем временем бригадир.

Вмиг около нас возник невысокий крепыш:

– Да, Юрий Иванович.

– Видишь красно-белый баул?

– Да, Юрий Иванович.

– Головой за него отвечаешь.

– Ясно, Юрий Иванович.

– Смотри в оба.

– Будет сделано, Юрий Иванович.

Я предпочла уйти. Видно, не судьба мне избавиться от рванья, оно поедет в новые пенаты. Ну что может быть хуже, чем смена местожительства и сбор вещей?

Но, прибыв в особняк, я поняла, что заблуждалась. Что может быть хуже запихивания тряпок в узлы? Только их разборка на новом месте. Правда, я была предусмотрительна и надписала каждую коробку, а на чемоданы, сумки и тюки наклеила бумажки, на которых стояло: «Посуда из кухни» или «Верхняя одежда Кирюши».

Грузчики моментально растащили по комнатам багаж, и я принялась за дело. Начать решила с кухни. Ну, согласитесь, можно без особого ущерба для здоровья проходить пару дней в одной и той же кофточке и джинсах, а вот как существовать без чайника, ложек, кастрюль и прочей утвари?!

Засучив рукава, я разрежала веревки, открыла ящик и увидела гору скомканных тряпок. Никаких чашек в укладке и в помине не было, хотя надпись, сделанная синим фломастером, гласила: «Кружки и тарелки». Поудивлявшись, я вскрыла следующий тюк и вместо сковородок обнаружила в нем постельное белье.

– Лампа, – завопил, вбегая в кухню Кирюша, – где мои брюки? С какой стати в комнате стоит ящик с сервизом?

– Дайте поесть, – потребовал Костин. – Продукты привезли?

– Кому пришла в голову идея написать «Лизины шмотки» на сундуке с драными газетами? – понеслось сверху.

– Лампуша, – крикнула Катя, – у меня твои книги!

– Хочу обедать, – ныл Вовка.

– Где здесь выключатели?

– Как открыть шкаф?

– Вау, туалет! И не думала, что он тут!

– Где еда? – тупо вел свою партию майор.

У меня закружилась голова. Господи, мы никогда не разберем вещи.

– У свинки отбилась нога, – заорала Лиза. – Лампа, ты плохо завернула фигурки!

– Моя картотека, – сердился Кирюшка. – Лампа, ты перепутала вырезки.

– Постельного белья нет, – возвестила Катя. – Лампуша, ты куда его дела?

– У нас есть суп? – стонал майор. – Лампа, отчего ты его не сварила!

Чтобы избавиться от домашних, я вышла во двор и увидела наших собак, забытых на улице. Рамик и Рейчел, обалдев от простора, в полном восторге нарезали круги по двору. Грязные брызги летели во все стороны. Феня, повизгивая,

пыталась поучаствовать в марафоне, Мульяна меланхолично грызла пенек, Капа... Ее нигде не было.

– Эй, Капецкий! – закричала я.

В ответ донеслось жалобное поскуливание, перешедшее в отчаянный плач.

– Где ты?

– У-у-у-у.

Минут пять, наверное, я пыталась определить, откуда несется стон, потом сообразила, что звук идет из большого серо-черного сугроба.

Я подошла и поняла, что случилось. Глупая Капа вскарабкалась на верх холмика, подтаявший снег не выдержал тяжести ее тела, и собачка провалилась вниз.

Изловчившись, я добыла дрожащую не то от переживания, не то от холода совершенно мокрую Капу, сунула ее себе под куртку, остановила суматошно бегающих Рейчел, Рамика и задыхающуюся Феню, оттащила Мульяну от пня, пригнала стаю домой и снова очутилась в эпицентре бури. На этот раз во всей красе встала проблема выключателей.

– Какой дурак сделал их внутри комнат, – сердилась Юля, – ясно же, что свет зажигают перед входом в помещение.

– Да это ерунда, – объявила Лиза, – но почему слева? Понятное дело, что люди в основном правши!

– Небось здание строил левша, – заявил Кирюша, – ты, Лизка, прожила полжизни и никогда не слышала о таких лю-

дах? Ну и кретинка!

– Сам debil!

– Идиотка!

– Идиот в квадрате.

– Дура в кубе.

Поняв, что моя нервная система не выдержит зрелища начинающейся драки, я снова быстро шмыгнула на двор, вытащила сигареты и, прежде чем затянуться, всеми легкими вдохнула непривычно свежий воздух. Что ни говори, а за городом дышится по-иному. Потом взор упал на коттедж, и я вздрогнула. На какую-то секунду он показался мне суровым и мрачным. Неожиданно я ощутила беспокойство. Вся семья в восторге от дома, а мне тут отчего-то не по себе, я бы искала другое местожительство, но нельзя же портить своим праздник. Ничего, обживусь здесь и привыкну... Тяжелая рука схватила меня сзади за плечо.

– Мама, – заорала я и выронила сигарету, – вы тут! Но у меня есть время до первого мая. Извините, что задержалась слегка с началом работы, это из-за переезда, завтра же...

– Лампудель, – произнес Вовкин голос, – ты рехнулась? Что ты несешь, не пойму?!

Я мгновенно обернулась, увидела Костина и с огромным облегчением воскликнула:

– Это ты!

– А кто ж еще? – удивился майор. – Мы есть будем? Я сейчас потеряю сознание от голода!

– Честно говоря, я не помню, в какой сумке продукты, потерпи немного.

– Может, стонять в магазин? – протянул Вовка.

– Хорошая идея, – согласилась я, – и где он тут? Подскажи!

Майор сначала надулся, а потом вдруг неожиданно завыл:

– Ты послушай, какая тишина.

– Собаки лают.

– Это не то. В городе постоянный шум, машины ездят, люди ходят, а здесь...

Костин не успел закончить фразу, потому что звук его голоса перекрыл надрывно-отчаянный вой. По улице, от которой наш участок был отделен красивым забором из кованых прутьев, пронеслись две ярко-красные машины.

– Где-то пожар, – насторожился майор.

Я подняла глаза вверх. Над вершинами деревьев, чуть левее того места, где мы вели мирную беседу, к небу поднимался столб дыма.

– Похоже, полыхает совсем близко, – сказал Костин, – хорошо, что здесь не шестисоточные участки. Вот в таких местах, где коттеджи понатыканы, словно сельди в банке, огонь – беда. Один займется – и все сгорят.

Дверь дома распахнулась, и выскочили Лиза, Кирюшка и Юлечка. Натягивая на ходу куртки, они ринулись к воротам.

– Эй, вы куда? – крикнул Костин.

Лизавета и Юля, не говоря ни слова, выбежали на дорогу, а Кирюшка заорал:

– Курочкорябские горят! Такой огонь, что глядеть жутко! Мы из мансарды заметили. Может, им помочь надо!

Мы с Вовкой, не сговариваясь, кинулись вслед за детьми.

ГЛАВА 6

Подойти близко к месту происшествия не дал жар, исходящий от полыхающего здания. Парни в робах сбивали пламя струями из брандспойтов.

Я быстро оглядела вымощенный плиткой двор и увидела Асю, прижимавшую к груди железную коробку.

– Ваши живы? – кинулась я к ней.

– Да, – растерянно кивнула та, – Лев Яковлевич, Света, Оля. Мы успели выбежать, я даже документы сумела прихватить. Никто не пострадал, только Света ушиблась, она с лестницы упала.

– Собирайте своих, и пошли в дом Василия, – быстро сказала я.

– Да нет, – забормотала Ася, – это же теперь ваш коттедж. Мы помешаем вам разбирать вещи.

– Вы простудитесь, наденьте куртку или пальто!

Ася поежилась:

– А нету, я в чем была, в том и выскочила.

Я потянула ее за рукав тоненькой кофточки:

– Пошли скорей, иначе воспаление легких вам обеспечено.

– Надо Льва Яковлевича позвать, – засуетилась Ася, – он может заболеть от переживаний. Ну-ка поддержи.

Сунув мне в руки коробку, Ася метнулась влево. Я хоте-

ла поставить на землю железный ящик, оказавшийся неожиданно тяжелым, и уронила его. Крышка соскочила, внутри оказались тесно уложенные, перехваченные разноцветными резинками пачки зеленых купюр. Я недавно отдала за дом огромную сумму наличности, поэтому сразу поняла: в коробке лежат те самые доллары. Быстро закрыв «сейф» крышкой, я подхватила его и прижала к груди. Ну Ася! Сует малоизвестной женщине астрономическую сумму и убегает. Как вам это нравится? Похоже, дама совсем без головы, или она растерялась на пожаре? Откуда ни возьмись появилась Катюша с чемоданчиком в одной руке, второй подруга поддерживала девушку со спутанными светло-русыми волосами.

– Осторожно, осторожно, – повторяла Катя.

– Ой, больно, – воскликнула девушка, – я сломала ногу!

– Нет, просто ушибла.

– Ужасно дергает.

– Ничего, ничего, потерпи.

– Лампа, – крикнула Ася, – помоги!

Я побежала на зов и увидела Курочкорябскую и высокого, полного, холеного мужчину в роскошном халате. Очевидно, это был хозяин дома. От Льва Яковлевича исходил такой сильный запах одеколона, что мне на секунду пришла в голову бредовая мысль: сейчас из брандспойтов льется не вода, а французский парфюм.

– Пошли, Лева, – велела жена.

– Я никуда не двинусь без рукописи, – красивым, хорошо

поставленным баритоном заявил супруг, – если мой труд погибнет, то жизнь потеряет смысл.

Ася глубоко вздохнула:

– Лампа, покарауль Льва Яковлевича.

Я не успела кивнуть, как она метнулась в сторону пожара. Ее стройная, девичья фигурка исчезла в дыму.

– Вернись, – заорала я, – с ума сошла!

– Ася, – перекрыл мой крик голос Льва Яковлевича, – там, на столе, еще и книга в зеленом переплете, прихвати ее тоже!

Меня на миг парализовало. Не двигаясь, я в полнейшем изумлении смотрела на совершенно невозмутимого ученого. Потом меня охватило негодование. Он псих! Жена бросается в полыхающий дом ради стопки исписанной бумаги, а муж не только не останавливает ее, но еще и приказывает добыть свою рукопись! Хотя, может, я чего-то не понимаю? Вдруг у них, у великих ученых, так принято?

– Никто не догадался прихватить плед? – спросила внезапно появившаяся толстушка в голубых джинсах и майке.

Лев Яковлевич ничего не ответил, его лицо приняло отсутствующее выражение. Толстая девица махнула рукой:

– Папа, очнись, где мама?

– Кто? – вынырнул из заоблачных высей ученый. – Мама?

Олечка, господь с тобой, она же давно скончалась!

Дочь с нескрываемым раздражением взглянула на отца:

– Умерла твоя мать, бабушка Вера! А моя жива. Если помнишь, ее зовут Асей, и она является еще и твоей супругой!

– Я, Олюшка, обладаю замечательной памятью, – совершенно спокойно, словно сидя в кабинете, в удобном кресле, а не стоя около бушующего пожара, завел ученый, – вот ты, например, можешь ответить, какого числа монголо-татарские войска захватили Смоленск?

Оля скривилась:

– О боже! Понеслось.

– Значит, нет, – констатировал отец, – а я, которого ты опрометчиво обвинила в отсутствии памяти, назову дату с легкостью...

– Не надо, – простонала дочь.

– Что же касается твоего вопроса, – ровным тоном вещал Лев Яковлевич, – то позволь напомнить его формулировку: «Папа, очнись, где мама». Фраза построена некорректно. Я, естественно, подумал, что ты спрашиваешь о *моей* родительнице, такое понимание вопроса вытекало из логики предложения. Если ты хотела узнать об Асе, следовало по-другому сформулировать вопрос: «Папа, очнись, где *моя* мама?» Тебе понятен ход моих рассуждений или нужно объяснить все еще раз? Все беды этого мира происходят от того, что люди элементарно не умеют выражать свои мысли: думают одно, вслух говорят другое, подразумевают третье, а понимают их все равно неверно. Да-с! Кабы...

– Пойду гляну, может, Светка догадалась одеяло прихватить, – оборвала отца Оля и ушла.

Лев Яковлевич покачал головой, покусал нижнюю губу и

вновь впал в нирвану.

– Лева! – выкрикнула запыхавшаяся Ася. – Вот рукопись и книга. Пошли скорей!

Спустя два часа мы сидели в гостиной нового дома, среди разбросанных тюков, полуразвязанных узлов и нераспакованных коробок.

Курочкорябские выглядели плохо, все бледные, потерянные. За короткое время мы успели перезнакомиться, и я поняла, что пухлая девушка Оля – дочь Аси и Льва, а Света, миловидная блондинка, вдова покойного Василия.

Еще мне стало ясно, что спокойной, размеренной жизни в только что приобретенном загородном особняке у нас не получится. Катя, вводя погорельцев в дом, произнесла:

– Вы не волнуйтесь, здесь полно места, все разместимся с удобствами.

Ася замахала руками:

– Нет, мы не можем так стеснять вас!

– Ерунда, – отмахнулся Костин, – сделаете ремонт и съедете. – Если останется, что ремонтировать, – буркнула Оля.

– Значит, отстроитесь заново, – не сдался Вовка.

– Боюсь, у нас плохо с деньгами, – тихо сообщила Ася, – на жизнь-то хватит, а вот на масштабное строительство нет.

Я искоса глянула на женщину. Она не знает, что я случайно увидела содержимое коробки, неужели тех долларов не достаточно для восстановления здания? Впрочем, я же просила Асю не говорить никому, что отдала ей деньги. Вот она

и старается ради меня.

Следующий час мы решали бытовые проблемы и наконец пришли к консенсусу. В мансарде будут жить Оля и Света. На втором этаже в одной комнате поселятся Юлечка и Сережа, в другой – Катя. На первом разместимся я и Лиза, нам отдают угловую спальню, Ася займет крохотную гостевую, для Льва Яковлевича переоборудуют сорокаметровую гостиную, а Кирюша переедет в гараж к Костину.

– Я не очень хорошо понял, – ожил ученый, узнав про план расселения, – я сплю здесь?

– Да, – кивнула Ася, – не волнуйся, мы очень уютно оформим комнату, повесим, как ты любишь, темные гардины.

– Мне без разницы, в каком месте спать, – раздраженно сказал муж, – я абсолютно неприхотлив в быту, но где стану работать?

– Здесь же, – ответила Катя, – комната огромная, просто Георгиевский зал. Внесем сюда письменный стол.

– Это совершенно невозможно! – покачал головой Лев Яковлевич.

– Почему? – удивилась Юлечка. – Вам здесь не нравится? Хотите, вселяйтесь в нашу спальню, а мы с Серегой переедем сюда!

– Я не могу писать там, где сплю, – заявил ученый, – мне для плодотворной работы необходим кабинет.

– Зачем? – разинула рот Юля. – Мы стол поставим и кресло.

– Боюсь, что вам, человеку не творческому, проблему не понять, – отрезал историк и повернулся к жене: – Ася, займись делом! Приготовь спальню и кабинет, помещения должны быть рядом, кстати, подойдет соседняя комната.

– Это столовая, – протянула Катя, – там все обедать будут.

– Ну, нам хватит и кухни, – быстро сказала Ася, – понимаете, Лев Яковлевич не способен жить так, как все. Он не простой человек.

– Да? – изогнула бровь Юля. – В чем же отличие богоподобного от нас, убогих смертных?

Ася слегка порозовела:

– Понимаете, Лев имеет мантии сорока двух международных академий.

– Он их коллекционирует? – наивно спросил Кирюша.

Щеки Аси стали медленно краснеть. Катя моментально вклинилась в разговор.

– Мы самые обычные люди, – сказала она, – на работе трудимся, дома отдыхаем, нам и впрямь не понять человека, который творит не на службе.

– Вовсе я и не отдыхаю в своей комнате, – возмутился Кирюшка, – уроки делаю до офигения.

– И я, – подхватила Лизавета.

– Мы с Сережкой рекламные тексты пишем, – сообщила Юля, – между прочим, это трудное дело!

– Кухня большая, – умоляюще сказала Ася, – в ней тридцать метров, неужели все мы не уместимся?

Домашние замерли, потом Катя тихо сказала:

– Ну конечно, пусть Лев Яковлевич устраивается.

– Вот и хорошо, – засуетилась Ася, – вот и здорово. Лева,

Лева, ты слышишь?

Муж оторвал глаза от книги и весьма недовольно пробурчал:

– Весь внимание.

– В гостиной сделаем тебе спальню, а в столовой кабинет.

– То есть работать я буду здесь? – напрягся ученый.

– Да, тебе не нравится?

– Не слишком удобно без книжных шкафов!

– Библиотека небось сгорела, – совершенно не к месту

брякнула Лиза.

Лев Яковлевич вскочил:

– Мои книги!

Ася бросилась к мужу:

– Не нервничай, милый. Они не пропали, девочка просто не в курсе.

На лице профессора появилось выражение блаженства.

– Очень хорошо, – кивнул он, потом оглянулся и добавил:

– Пусть немедленно специально обученные люди переставят тут мебель, принесут книги и папки. Ася, займись. Остальных попрошу покинуть МОЮ половину, я хочу сесть за работу.

В полном изумлении мы выпали в коридор и начали заниматься хозяйственными хлопотами. Через некоторое время

ко мне подошел Кирюшка и жарко зашептал:

– Слышь, Лампа, он псих?

– Кто? – волоча в нашу с Лизой комнату неподъемный тюк белья, спросила я.

– Профессор.

– Ну... так нельзя говорить о взрослых.

Кирюшка скривился:

– А если по-честному?

– На сумасшедшего он мало похож, – вздохнула я, – безумные люди частенько бывают неадекватны, ну, допустим, накидываются с ножом. А Лев просто эгоистичен, любит лишь себя родного, до остальных людей ему дела нет.

– Зачем Ася с ним живет? – не успокаивался Кирюша.

– Вот это нас не касается!

– Ты бы за такого замуж вышла?

Я пнула ногой узел, переместила его на пару миллиметров вперед и заявила:

– Свадьбу играть ни с кем не собираюсь, а поскольку у меня нет супруга, тебе сейчас придется помочь незамужней женщине.

Ночью, лежа на новой кровати в комнате, где нам с Лизой предстояло провести вместе не один день, я никак не могла уснуть: вертелась с боку на бок, переворачивала подушку, сдергивала и снова натягивала одеяло...

– Перестань скрипеть, – пробормотала Лизавета.

Я замерла на пару секунд, но потом опять принялась кру-

титься, пытаюсь производить как можно меньше шума.

– Хватит шуршать, – сонно протянула Лиза, – только задремлю, ты меня будишь.

Я забила под плед и попыталась не дышать, но уже спустя минуту поняла, что лежу на крошках, мелких, сухих, колких, надо встать и встряхнуть простыню.

– С ума сойти, – завздохала Лиза, – если ты страдаешь от блох, возьми специальный ошейник и нацепи, он лежит у входной двери, около собачьих комбинезонов.

Я осторожно сползла с кровати и, стараясь не хлопать тапками о босые пятки, пошла на кухню. Может, если попить теплого чая, бессонница отступит?

Выключателя на стене я не нашла, его не было ни справа, ни слева. Поэтому пошла к плите, вытянув вперед руки, и наткнулась на что-то теплое, мягкое.

– А-а-а, – закричало оно, и тут же вспыхнула люстра.

Передо мной, одетая в халат Кати, тряслась Света. Она была так бледна, что я испугалась.

– Вам плохо?

– Это ты? – залязгала зубами Светлана. – Не надо, пожалуйста, очень прошу! Нея, опомнись! Не трогай меня!

Услышав последнюю фразу, я окончательно перепугалась:

– Света! Вы меня видите?

Но у невестки Курочкорябских были совершенно безумные глаза, остановившиеся, тусклые, словно у снулой рыбы.

– Что случилось? – слышалось из коридора, и в кухню

вошла Ася.

Я кинулась к ней:

– Свете плохо!

Ася приблизилась к невестке:

– Пойдем в кровать.

– Не надо, зачем ты такое придумала, зачем?..

Ася обняла невестку и увела, я осталась одна и стала тупо вспоминать, с какой целью заявила на кухню. Хотела пить? Есть? Курить? Вроде нет. Или вообще направлялась не сюда, а в туалет?

– Перепугалась? – спросила Ася, появляясь на пороге.

– Ага, – кивнула я.

Ася зябко передернула плечами.

– После смерти Васи Света сама не своя. Может, тебе странно слышать подобные речи от свекрови, но я буду очень довольна, если она найдет себе нового мужа. К огромному сожалению, Светочка даже не смотрит в сторону мужчин. Иногда с ней случаются странные вещи, ей кажется, что ее все хотят убить...

Я вздрогнула.

– Не бойся, – Ася заметила мою реакцию. – Света нормальная. Знаешь, почему она впала сейчас в такое состояние?

– Ну...

– Она сильно понервничала, – вздохнула Ася. – Васенька-то во время пожара погиб, ну и навалились на бедную вся-

кие воспоминания. Да еще на тебе платье в бежево-коричневую клетку.

– Это халат, – поправила я Асю.

– Неважно, – отмахнулась она, – хоть пальто, просто подобное сочетание цветов было у моего несчастного сына любимым, в его гардеробе висело штук десять рубашек в бежево-коричневых тонах. Небось Света маялась бессонницей, пошла воды попить, погрузилась в свои невеселые мысли, а тут ты! Ладно, утро вечера мудренее. Вот увидишь, завтра она будет такой, как всегда.

Не став пить чай, я пошлепала в спальню, забилась под одеяло, послушала мерное сопение Лизы, потом встала и придвинула к двери тяжелое дубовое кресло. Никаких запоров на дверях тут не предусматривалось, а мне было очень страшно. Светлана походила на натуральную психопатку, мало ли что могло взбрести в ее лишенную разума голову.

Проснулась я внезапно, словно кто-то пнул меня ногой в бок. Села и пару мгновений никак не могла сообразить: где я? Незнакомый, идеально белый потолок, стены, ковер и мебель цвета мокрого песка... Взгляд упал на кровать со скомканным постельным бельем, потом выхватил большой лист бумаги, лежавший на моих тапках. Я взяла записку. «Лампа, мы уехали в город по делам, вернемся к вечеру, повесь мои вещи в шкаф». Это накорябала Лиза. Следующая фраза была начертана рукой Кати: «Не суетись, отдохни спокойно, приедем поздно. Курочкорябские разбирают вещи на пе-

пелище. Слава богу, у них не все сгорело». В самом низу чернело короткое замечание от Вовки: «Будь другом, свари борщ».

Я встала, натянула халат и отправилась на кухню. Похоже, в доме никого нет, тишина стоит просто невероятная. Со двора не доносится лай чужих собак, шум машин, грохот, лязг, крик, даже вода не капает из кранов, а в окне вместо соседней противно-серой блочной башни виднеется лес.

Напившись чаю, я в растерянности замерла возле нераспакованных коробок, потом попыталась стряхнуть с себя оцепенение. Наверное, свежий воздух, состоящий в основном из кислорода, вызывает у городских жителей отупение и сонливость. Мой организм привык вдыхать бензиновые пары и «наслаждаться» шумом. Вот что, Лампа, принимайся за работу! Раньше начнешь, быстрее закончишь.

Руки стали ловко раскладывать посуду. Спустя какой-нибудь час кухня приобрела вполне уютный вид. Я огляделась по сторонам, так, все коробки пусты, а где же чайный сервиз? Скорей всего, ящик с ним случайно затащили в одну из спален.

Я пошла по комнатам на поиски чашек. Сначала заглянула в столовую – пусто, затем в гостиную. И была поражена. Похоже, Ася не спала всю ночь. Оба помещения, захваченные капризным Львом Яковлевичем, выглядели безукоризненно. Столовая была превращена в образцовый кабинет. В шкафах, предназначенных для хранения посуды, стояли

книги. Оставалось лишь удивляться, где Ася взяла библиотеку. Сам Лев Яковлевич обнаружился в сорокаметровой гостиной, академик мирно спал на кровати. Невероятным, чудесным образом его услужливая жена ухитрилась произвести рокировку мебели. А сам ученый не принадлежит, похоже, к племени аскетов. Постельное белье у него шелковое, на тумбочке около ложа виднелись бутылка дорогой минеральной воды и ваза, наполненная крупной темно-вишневой черешней. Тем, кто забыл, напомню: на календаре самое начало апреля, и эта сладкая, очень вкусная и полезная ягода стоит на рынке бешеных денег. Что же касается воды, то я натыкалась иногда в супермаркетах на эти темно-зеленые бутылки и удивлялась, ну кто же приобретет минералку по такой немислимой цене? И вот теперь я знаю ответ на этот вопрос.

В поисках ящика с сервизом я обошла весь дом, последняя спальня была та, что теперь принадлежала Свете. Думая, что женщины нет, я вошла в комнату и вздрогнула. На подушке виднелась голова с перепутанными кудряшками. Мне стало не по себе. Вдруг Света сейчас проснется и начнет вести себя еще более странно, чем вчера. Надо потихоньку уйти, фиг с ним, с сервизом, из кружек попьем!

Я попятилась, налетела спиной на этажерку и свалила ее на пол. На беду, наверху стояло довольно много всякой всячины: будильник, тарелка, пепельница и букет тюльпанов в хрустальной вазе. Все это обвалилось на ничем не прикры-

тый паркет, разбилось, разлилось, рассыпалось на осколки. Шум получился оглушительный.

Я невольно вжала голову в плечи: сейчас Светлана начнет ругаться последними словами и будет права. Ну с какой стати я вперлась в ее личную спальню без стука?

ГЛАВА 7

Но сердитого вопроса: «Что тут происходит?» – не прозвучало. Более того, Светлана даже не пошевелилась, я посмотрела на постель, кудлатая голова находилась в той же позе.

– Света, – позвала я, – Света!

Ответа не последовало.

– Извини, конечно, но уже час дня! Света! Тебе не надо вставать?

Женщина хранила пугающее молчание. Мои руки и ноги словно опутала липкая паутина, к горлу подступила тошнота, казалось, в воздухе запахло гнилью. Кое-как справившись с собой, я подошла к кровати и посмотрела на Свету.

Она лежала на боку, чтобы увидеть ее лицо, мне пришлось присесть. Глаза невестки Курочкорябских были закрыты, нос заострился, изо рта вырывалось натужное, свистящее дыхание.

– Тебе плохо? – испуганно спросила я.

Нет ответа.

– Что у тебя болит?

Тишина.

– Голова? Сердце? Желудок? Ну отзовись!!!

Светлана не издала ни звука, она не слышала и не видела меня.

Я схватилась за телефон и набрала «03».

– «Скорая», слушаю.

– Женщине плохо, она, похоже, без сознания.

– Возраст?

Вот уж кретинский вопрос. Какая разница, сколько лет тому, кто занедужил? Или они выезжают только к молодым? А всем, кому исполнилось пятьдесят, следует накрываться белой простыней и ползти на кладбище?

– Двадцать пять, – брякнула я.

– Адрес?

– ...э... э... поселок... по Новорижской трассе... примерно...

– Уточните адрес, тогда и вызывайте машину, – рявкнула диспетчер, – а если еще станете хулиганить, передадим данные в милицию. За ложный вызов можно и привлечь!

Не чуя под собой ног, я понеслась в бывшую гостиную и заорала:

– Лев Яковлевич! Проснитесь! Скорей!

Ученый резко сел, потом снова свалился в подушки.

– Что случилось? Орда город берет? Нас хотят взять в плен?

Если бы не ситуация со Светланой, я бы не преминула захихикать. Надо же, до такой степени выпасть из реальности! Но сейчас мне было не до смеха.

– Скажите скорей адрес!

– Чей?

– Этого дома!

Лев Яковлевич поморгал, потом нахмурился:

– Марфа! По всем вопросам, связанным с хозяйством, следует обращаться к этой... как ее... ну... э... да! Асе Михайловне! И еще! Имейте в виду, Марфа, никогда, ни при каких обстоятельствах не смейте входить в мои покои без приглашения. Ступайте в трапезную и готовьте пищу.

Я выскочила в прихожую, сдернула с крючка чью-то куртку, выбежала во двор и понеслась по направлению к сгоревшему дому Курочкорябских – скорей всего, Ася там, выносит уцелевшие вещи.

Очувтившись около здания, я заорала:

– Ася!

Из разбитого окна выглянула баба в телогрейке.

– Кто? – спросила она.

– Где Ася?

– Кто?

– Хозяйка.

– Ах Михална?! Ща покличу.

Бабища обернулась и завизжала, как бензопила:

– Таньк, Михалну пошукай, пришли до ей!

– Ща, – донеслось изнутри. – Машк, где Михална?

– Тута нету.

– Валька, Михална у тя?

Меня стала отпускать тошнота, похоже, на пожарище работает неисчислимая куча народа. Внезапно из обгоревше-

го дверного проема показалась Ася, голова завязана простой серой косынкой, сама в черной куртке.

– Что-то со Львом Яковлевичем? – нервно спросила она.

– Нет, Светлане очень плохо, она без сознания!

– Бегу! – выкрикнула Ася.

В кратчайший срок мы преодолели обратный путь. Следует отметить, что Ася проявила себя с лучшей стороны. Бросив беглый взгляд на вдову сына, она схватила телефон. Я стогняла в кладовку, притащила совок, веник и стала аккуратно складывать в помойное ведро осколки вазы. Мелкие куски не хотели замататься, пришлось брать их руками.

– Разве можно возиться в грязи без перчаток? – укорила меня казавшаяся спокойной Ася. – Ну-ка, унеси это ведро и вымой руки. Вопьется стекло в пальцы, будешь полгода лечиться. Фу, ну и пахнет тут! Похоже, вода в цветах совсем протухла!

Я послушалась Асю и, надев резиновые перчатки, прибежала назад, но жена академика, словно подпитываемая энергией вечной батарейки, уже успела все убрать и вымыть пол. Окно было открыто, запах гнили исчез, на Свету свекровь положила еще одно одеяло. Мне опять стало страшно, ну где же врачи? И тут со двора слышались голоса, залаяли собаки. Ася побежала открывать дверь. Я села на кровать и забормотала:

– Ну-ну, все хорошо...

– Вася, – неожиданно четко произнесла Светлана, – это

она! Мстит теперь, да! Сгорели! Все! Да! Она! Неля Смешкина, Смешкина, Смешкина, из-за нее! Ее надо... ее... Неля Смешкина, Неля... Неля... Она всех убила, и меня, и Васю!

– Сюда, скорей, – раздался голос Аси.

Я вскочила на ноги. Врачи в голубых халатах окружили постель, началась обычная в таких случаях суета.

Через полчаса белый фургон, отчаянно воя, унесся по направлению к Москве. Мы с Асей остались сидеть на кухне.

– Надо было поехать с ней, – запоздало спохватилась я.

– Чем же мы поможем? – мрачно отозвалась Ася. – Инфаркт! Да еще обширный.

– Ну... за руку просто подержать, – забормотала я, – медсестрам заплатить, нянечкам, чтобы лучше смотрели, знаешь ведь, как у нас!

– Мы прикреплены к частному медучреждению, – пояснила Ася, – за большие деньги. «Скорая» прибыла из этой дорогой клиники. Там сделают все, что только возможно. Тебе надо разбирать вещи, а мне пожарище... Ну чем мы Свете поможем сейчас? Приедем вечером...

– Ася, – громогласно позвал Лев Яковлевич, – Ася!

Моя собеседница, оборвав фразу на полуслове, кинулась на зов. Я села у окна и тупо уставилась на темно-зеленые елки. Инфаркт! Надо же! Он что, может случиться и в молодом возрасте?

– Ну и что произошло с фифой? – ехидно спросила, входя на кухню, Ольга. – Какая болячка на этот раз подкосила

нежную розу?

– Света часто болеет?

Оля включила чайник:

– Да она здоровей молодого быка! Вот прикидывается гениально, а мама, дура, ей верит. Впрочем, Асю обвести вокруг пальца – раз плюнуть. Ведется на все, сразу хлопотать начинает. «Отдыхайте, отдыхайте, вам вредно волноваться, сама полы помою, кашу сварю». Просто слушать противно. На ней ездят, а мама улыбается! Светка хитрая! Вдова! Эка невидаль! У многих мужья умирают, и что теперь? Вслед за ними в могилу лезть? Жизнь-то продолжается. Можно опять свадьбу сыграть и завести нового мужа!

– Может, Светлана до сих пор любит Васю, – тихо сказала я, – бывают такие женщины, им нужен всего один мужчина.

– Насчет одного мужчины ты перегнула, – ухмыльнулась Ольга, наливая себе чай, – вот у меня подруга двоих выперла за хамство и лень. Решили, идиоты, если в обеспеченную семью попали, то им теперь корм на золотом подносе подавать станут. Ан нет, обломилось! Кто денежки заработал, тот их и тратит, сами ничего не принесли – ходите в китайских джинсах, а то сразу фирменные шмотки им подавай. Теперешний ее муж нормальный, но и то, случись с ним чего, она рыдать не станет, снова замуж выйдет. А Света! Очень уж ей в богатом доме жить нравится! Вот и раскинула хитрыми мозгульками, просчитала пронирыливым умишком. Сейчас она кто? Вдова Васьки! Значит, своя в семье. Несчастливая горемыка.

Ася ей и одно подарит, и другое, и третье. Светочка на машине рулит, а кто авто купил? Ася! У нашей крошки в бу-мажнике золотая кредитка. От кого? От свекрови. Не жизнь, а масленица, никаких тебе забот и хлопот, вечный шоколад! Одна история с беременностью чего стоит. Слышала небось?

– Нет, – тихо ответила я, – откуда!

Оля поудобней устроилась в кресле, вытащила сигареты и заявила:

– Ну так я все тебе сейчас расскажу. Сначала о ее родне.

Жизнь Светы до замужества была беспросветно нищей. Отец у нее отсутствовал, мама перебивалась на зарплату воспитательницы в муниципальном детском саду. Образования толкового дочери она дать не смогла, и Света даже не пыталась поступить в институт. Мама повздыхала и посоветовала:

– Иди к нам в сад нянечкой, деньги крохотные, но хоть сыта будешь!

Делать нечего, пришлось Свете возиться с сопливыми малышами. Это только издали служба в дошкольном учреждении кажется необременительной. А вы попробуйте завязать тридцать пар ботиночек, натянуть три десятка рейтуз на вертялые ножки, застегнуть армию пуговиц и крючков, еще подать еду, помыть полы, расставить игрушки. Да за такой адский труд любая зарплата копейкой покажется, но денег в конце месяца давали столько, что Света никогда не доносила получку до дома, тратила ее по дороге. Хорошо хоть

проездной покупать не требовалось, садик находился рядом с домом.

Так бы и прозябала Света, считая копейки, но тут на нее золотым дождем пролилась удача. Однажды в садик позвонил отец девочки Ксюши Смешкиной и взмолился:

– Светлана, сделайте христианскую милость. Жена заболела, в больницу днем ее отвез, сам на работе горю. Не могли бы привести Ксюшу домой и посидеть с ней до моего возвращения? Заплачу сколько скажете.

Света заколебалась. Ее в тот вечер пригласили на день рождения. И вот теперь вместо веселья предстояло проводить время с Ксюшей Смешкиной. Правда, девочка была послушной и тихой, а ее отец вполне обеспеченным человеком. И Света выбрала работу.

– Согласна, – ответила она, не зная, что от этого слова коренным образом, словно по взмаху волшебной палочки, изменится ее жизнь, – только у меня же ключей нет.

– У лифтера дубликат хранится, – обрадованно пояснил мужчина, – я предупрежу его, он вас впустит.

Света беспрепятственно вошла в подъезд, получила связку ключей и попыталась открыть дверь квартиры, но не тут-то было. Ключ не хотел поворачиваться в скважине. Да еще Ксюша заныла:

– Писать хочу!

Света занервничала, пальцы ее задрожали.

– Вам помочь? – слышался голос.

Девушка обернулась и увидела молодого мужчину с приятной улыбкой на лице.

– Я сосед Смешкиных, – пояснил он, – а вы кто?

– Няня Ксюши, – не вдаваясь в подробности, ответила Света.

Вот так и начался их роман, завершившийся шикарной свадьбой. К чести Курочкорябских, следует заметить, что никто из них не попрекнул Свету нищетой. Ася купила платье и туфли не только невесте, но и ее матери, а после бурного застолья молодые улетели отдыхать. Стоит ли говорить, что и пир, и путешествие были за счет мужниной родни? Оказавшаяся впервые за границей, Света постоянно задавала себе вопрос: ну что такое судьба? Если бы в тот день у Василия не сорвалась деловая сделка, если бы у него не образовалось несколько часов лишнего времени, если бы он не вспотел на жаре и не захотел принять в городской квартире душ, если бы она, Света, отказалась присмотреть за Ксюшей и отправилась веселиться на дискотеку... Если бы да кабы... То что? А ничего хорошего для девушки! Василий встретил бы другую, и в роскошном особняке поселилась бы не Света.

О своем фантастическом везении Света думала не переставая и вернувшись в Москву. Она никак не могла привыкнуть к тому, что теперь совершенно спокойно может зайти в магазин и приобрести все, что душа просит, причем не только для себя, но и для мамы.

К несчастью, Анна Сергеевна недолго радовалась дочки-

ному богатству. Она скончалась довольно скоро после свадьбы от обширного инфаркта дома, в одиночестве. Света, испугавшись утром, что мама не отвечает на звонки, понеслась домой и нашла Анну Сергеевну на полу в ванной. Мать собиралась ложиться спать. Ее лицо и шея были покрыты толстым слоем дорогого крема, тело окутывал изящный халат. Оставалось лишь утешать себя, что смерть была милостива к бывшей воспитательнице, забрала ее сразу, не мучая, после того, как Анна Сергеевна некоторое время пожила, не думая о материальных проблемах.

Скорбные хлопоты взяла на себя Ася. Гроб, место на кладбище, поминки, девять дней, сороковины – все было четко организовано. Анна Сергеевна получила самый шикарный и дорогостоящий последний приют, а на могиле вскоре воздвигли впечатляющих размеров памятник.

После кончины мамы Света стала хандрить, к ней постоянно привязывались всякие болячки. Из насморка жена Васи плавно въезжала в грипп, из него – в ангину. Отит, бронхит, ларингит... Затем начались проблемы с желудком, лечили язву, потом дисбактериоз и колит... В общем, не женщина, а ходячая медицинская энциклопедия.

Оля морщилась, узнав, что Света снова свалилась в кровать, ей казалось, будто жена брата ломает комедию. Просто той неохота ни учиться, ни работать. Отсюда и бесконечная череда болезней. Но Ася защищала невестку:

– Она остро переживает смерть мамы, скоро поправится.

Оля хмыкала, но молчала. Потом она сообразила, что у Светы в придачу к многочисленным болезням имеются еще и нешуточные проблемы по женской части. Вася хотел ребенка и неоднократно говорил, что в строящемся доме запланированы комнаты для малышей.

Света краснела и опускала голову, она, похоже, не могла забеременеть. Потом она стала шушукаться с Асей, ходить на какие-то уколы, и наконец настал счастливый день, когда сияющий Василий объявил:

– А мы беременны!

Свету завалили подарками. Даже Лев Яковлевич, живущий в своем мире, и тот поздравил невестку, преподнес ей браслет. Оля, считавшая, что рожать крикунов глупо, обозлилась. Вот оно как! Мама уже любит Свету больше, чем дочь!

Не удержавшись, Ольга ехидно заметила:

– Понятно, теперь мое место за дверью!

Ася обняла дочь:

– Не говори глупостей.

Но девушке показалось, что в голосе матери нет искренней теплоты. Сами понимаете, никакой любви к Свете Ольга не испытывала, рождения ребенка ожидала с раздражением. Сначала младенец начнет орать, не закрывая рта, потом побежит по дому – в общем, прощай покой. А еще придется изображать из себя если не любящую, то хотя бы нормальную тетю. Асе наверняка не понравится, если Оля выскажет

вслух то, что думает о детях вообще и о своих будущих племянниках в частности. Так что никакой радости при известии о пополнении семейства Ольга не испытала. Но потом вдруг все самым наилучшим образом устаканилось. Очевидно, провидение сжалилось над дочерью Курочкорябских и исполнило ее желание.

Сначала умер Вася. Вообще-то, Оля к брату относилась нормально, хоть и старательно копила в душе давние детские обиды. Смешно, конечно, но ей до сих пор неприятно вспоминать, как Ася накричала на дочь, когда та случайно сломала модель парусника, которую Вася с усердием склеивал для выставки. Но смерти брату она не желала никогда, горевала, когда тот погиб, правда, недолго. Девушка утешилась простой мыслью: Васи нет, его, хоть вся слезами залейся, не вернешь, а она, Олечка, жива, следовательно, надо жить дальше, изредка вспоминая брата.

Через некоторое время после похорон у Светы случился выкидыш, и долгожданное дитя так и не увидело света.

ГЛАВА 8

– Понимаешь теперь, какая она хитрюга? – прищурилась Оля.

– Честно говоря, нет, – ответила я.

– О господи! – закатила глаза собеседница. – Ты прямо как Ася! Святая простота! Сейчас она вдова, ее жалеют и все капризы исполняют, а если снова замуж выйдет... Думаю, мама не станет ее тут терпеть, скажет: «До свиданья, Светочка, желаю счастья в новом браке», что, в общем-то, совершенно правильно. С какой стати ее потом содержать, а? Только Светка хитрая, она никогда себе не позволит привести другого мужика, впрочем, если нароет богатого... Хотя в такой поворот событий мало верится. Это мой брат дурак был, весь в Асю, любовь, морковь, кровь... Даже не заметил, что Светка уродка и дура. Нет, она тут жить будет, прикидываться больной, несчастной страдальницей. Вот увидишь, вернется из больницы, ей Ася очередные брюлики в ушки купит!

– Инфаркт трудно симитировать, – возразила я, – это же не приступ мигрени, который в два счета изобразить можно! Светлане и впрямь было плохо.

Оля махнула рукой:

– Забей. Через неделю тут окажется и заноеет: «Ой, ой, из окна дует».

– Кто такая Неля Смешкина? – спросила я.

Света нахмурилась:

– Ну и откуда ты о ней вызнала? О Смешкиной?

– Ты же сама только что произнесла эту фамилию.

– Я? – изумилась Ольга. – Не может быть! В нашей семье

на нее положено табу.

– Извини, но у меня прекрасная память. Ты же рассказала про девочку Ксюшу Смешкину, которую Света привела из садика.

Ольга скривилась:

– Но про Нелю-то я не упоминала!

– А она кто?

Оля тяжело вздохнула:

– На будущее имей в виду, про Нельку тут заговаривать никак нельзя, в особенности при маме. Неля была нашей соседкой по городской квартире. Ася одно время хотела, чтобы Вася на ней женился, семья хорошая, обеспеченная, и у Смешкиной с братом одно время роман был, потом они разбежались – и вроде все. Но в тот день, когда у нас огонь вспыхнул, пожарные довольно быстро приехали и пламя потушили... да... так вот!..

Она внезапно замолчала.

– Ну и что? – продолжала недоумевать я.

Она пожала плечами:

– В сущности, ничего особенного. Только в спальне на кровати нашли два тела: Васи и Нели. Оба голые, в дыму они задохнулись. Нам потом в милиции объяснили: редко кто со-

всем в головешки превращается, как правило, водой залить успевают, а от дыма деться некуда, в квартирах полно пластика, синтетики всякой. Вот они и надышались до остановки сердца. Да перед этим выпили, на столике бутылка виски осталась. А еще нашли пустой пакетик из-под сухариков «Кириешки». Он в ботинок к Васе попал, потому и не сгорел, наверное, с тумбочки свалился. Ясное дело, выпили, а на закуску только сухарики, ну и заснули. Ася, кстати, абсолютно уверена, что Неля убила Васю.

Я подскочила на месте:

– Да ну!

Оля ухмыльнулась:

– Прикинь! Нелька в Ваську втюрилась как кошка! По нему вообще девки сохли, хотя мне лично непонятно почему. Вовсе даже был не красавец и не супермен, такой пентюховатый, ни на кого голоса повесить не мог, ну что в нем хорошего?

Я молча слушала разболтавшуюся Ольгу. Очевидно, дети в семье Курочкорябских выросли разными. Вася пошел в мать, приветливую, неконфликтную, думающую только о других людях, а Олечка удалась в папеньку, на редкость эгоистичного Льва Яковлевича. Похоже, академик не станет особенно переживать, если вся его семья внезапно вымрет. Его при такой ситуации взволнует лишь одно: кто же теперь станет за ним, замечательным, ухаживать!

– Вася сам ушел от Нели, – продолжала Ольга, – и вско-

рости женился на Светке. А Нелька словно с цепи сорвалась, звонила, плакала, потом пугать его стала: дескать, убьет разлучницу.

Вася встретился с бывшей любовницей и попытался ее урезонить. Неля вроде бы сконфузилась и пообещала более не мешать семье Курочкорябских, но потом снова принялась названивать. Правда, теперь ее угрозы стали иными. Свету Смешкина решила пощадить и оставить в живых, убить Неля хотела Васю, а заодно и себя. – Ну и вышло чего? – без всякой горечи в голосе сказала Оля. – Она таки выполнила задуманное. Заманила Васю в постель и подожгла квартиру!

– Ужасно, – вздрогнула я, – может, все-таки это неправда? Вдруг проводку замкнуло? А как Света отреагировала, узнав, что муж умер в постели с другой женщиной?

Оля скривилась:

– Ася у нас ненормальная! Позвала меня и сказала: «Упа-си вас бог сообщить Свете о Неле! Ей волноваться нельзя. Вася и не думал жене изменять, сами знаете, как он Светочку любил, это все Неля! Ее рук дело! Опоила его спиртным и убила!»

– И Света не узнала об измене мужа? – с легким сомнением спросила я.

Оля ухмыльнулась:

– Говорю же, она хитрая очень. Нас всех в милицию вызывали. Там такие дуболомы сидели, по сто раз переспрашивали: «Это правда, что Василий практически не употреблял

спиртного?» Небось кто-нибудь из них Светке правду и рассказал. Только она предпочла молчать!

– Почему?

– Да все из тех же соображений, из-за денег. Если она знает об измене мужа, то каково оставаться в его доме? Надо же поругаться со всеми, со свекровью в частности, и хлопнуть дверью!

Я внимательно слушала Олю. Вовсе не обязательно конфликтовать с матерью мужа. Кое-кто продолжает дружить со свекровью даже после развода. Но, боюсь, подобное поведение Оле непонятно. Она-то, похоже, привыкла добиваться своего криком и скандалами.

– Хочешь скажу, отчего я уверена, что она знала про Нельку? – вдруг спросила Оля.

– Да, – кивнула я.

Она заговорщицки понизила голос:

– Тут все думают, что у нее выкидыш был. Только я одна в курсе произошедшего! Аборт наша красотка сделала. Васю похоронили, а она в клинику улеглась. Такой концерт закатила! Давай за низ живота хвататься, ее и отправили в больницу, да опять в самую лучшую, в центр «Материнство», слышала небось, там весь бомонд рождает.

– Ну и почему ты подумала про аборт? Оля хмыкнула:

– Поминки здесь устроили...

– В новом доме? – от удивления перебила ее я.

– Да, он же Васиным считался, хоть брат тут и не жил.

Столы стояли в гостиной, в самой большой комнате. Я покурить пошла, села на веранде в углу, слышу, Светка выходит, оглянулась по сторонам, вытащила из кармана мобильник и говорит:

– Позовите доктора Ермолайчик. Аркадия Валентиновна, когда меня привезут, вы уж, пожалуйста, постарайтесь, сразу Асе сообщите, что ребенка сохранить не удалось.

Ну и ушла в дом, я за ней. А потом эта дрянь стала за живот хвататься. Да уж! Актриса она отличная! Все ей поверили, Ася первая. Прямо осыпала сволочугу подарками и безостановочно квохтала: «Ах, ах, вы со Светочкой поаккуратней, она такое горе перенесла!»

– И ты не сказала маме правду?

Оля закатила глаза:

– Попыталась, но услышала, что нельзя быть столь жестокой. «Ты, деточка, небось ослышалась! Света звонила своему доктору и волновалась о здоровье ребеночка!» Ася такая, ни о ком ничего плохого знать не хочет, всех оправдывает! Дело о смерти брата в милиции закрыли, не усмотрели в нем ничего криминального. Только я уверена, что все подстроила Неля Смешкина, решила небось, раз со мной жить не хочешь, то и никому не доставайся! Она и Васю убила, и квартиру спалила, и с собой покончила. А Ася все быстро замяла, она очень боится этого долдона обеспокоить.

– Ты о ком?

– Да о папеньке моем придурочном, – засмеялась Ольга, –

не удивляйся, если он тебя Марфой звать будет, вообще сдурел!

– Лев Яковлевич большой ученый, такие люди имеют право на заморочки!

Оля расхохоталась:

– Готово! Еще одна дура! Да папашка индюк!

– У него же куча мантий!

– Что-то ни одной не видела.

– Еще толпы учеников.

– Лампа, приглядишься потом и поймешь, он из дома вообще не выходит и его никто не посещает.

– Он книги пишет.

– Да? Интересно. И где они?

– Ну, не знаю.

– Ага, раньше он и впрямь писал, а за последнее время лишь крохотную методичку выпустил, страниц на десять, издание тиражом в триста экземпляров. Так мама с ней как дурень с писаной торбой носилась! Всем под нос совала: «Лев Яковлевич учебник составил». Уржаться можно!

– Ты несправедлива, – не выдержала я, – Лев Яковлевич получает большие деньги, а сейчас не советское время, просто так, за былые заслуги никто никому платить не станет.

– Деньги? – вытаращила глаза Оля. – Большие?

– Ну да, – кивнула я, – содержать загородный особняк дорого стоит. Знаешь, мы долго колебались, сможем ли выдержать такие расходы, а у нас, кстати, работают все, кроме де-

тей, и хорошо получают. В вашей же семье, похоже, лямку тянет один отец. Конечно, на первый взгляд Лев Яковлевич выглядит немного капризным, но курице, которая несет золотые яйца, позволительно...

– Ну я офигиваю! – подскочила Оля. – Это тебе мама в уши надудела? Да все не так. Мы пашем, словно лошади: я, Ася. Только Света и папашка ни черта не делают. Одна «болеет», другой ваньку валяет.

Я заморгала:

– Ася работает?

– Да она нарасхват, по книге в месяц переводит, иногда по две. Ей отлично платят.

– Но когда же она успевает?

– Встает в пять, – пояснила Оля, – вон вчера папашку полночи устраивала, хохлов наняла мебель таскать, а в пять работать села...

– Оленька, – раздался из коридора голос Аси, – там бабы притащили вещи, которые уцелели, пойдешь глянь, можно что-то еще использовать или выбросить все разом?

Ольга быстро схватила меня за руку:

– Разболталась я, ты быстренько наш разговор из головы выкинь.

– Не волнуйся, я как Рейчел, никогда не выдаю чужих тайн, – шепотом ответила я.

– Это правильно, – кивнула Оля, направляясь к двери. – Те, кто слишком много чешет языком, как правило, быстро

умирают. Продолжительность жизни напрямую зависит от умения держать единственный орган, в котором отсутствует кость, за зубами.

Я посмотрела вслед дочери Аси: она что, мне угрожает? Или просто по привычке ляпнула грубость? Ладно, в конце концов, нам постоянно не жить вместе с этой малопривлекательной особой. Надо потерпеть ее всего несколько месяцев, пока Курочкорябские сделают ремонт, похоже, их особняк пострадал не радикально. Мне же нужно заниматься поисками убийцы Васи, и первая кандидатура на эту роль уже наметилась: Неля Смешкина.

Узнать адрес городской квартиры у Аси оказалось очень легко. Испытывая некое неудобство от того, что приходится дурить голову хорошему человеку, я в два счета выяснила, что апартаменты расположены в самом центре, недалеко от метро «Павелецкая». Быстро воскликнув: «О господи, мне же на эфир пора!» – я поспешила к своей машине.

Кстати, я вовсе даже не соврала, мне и впрямь предстояло ехать на работу, но позднее, моя передача на «Бум» стартует в 21.00.

Выйдя на проспект около большого здания из светлого кирпича, я сразу поняла, отчего Курочкорябские предпочитают постоянно жить в поселке. Даже сейчас, в самом начале апреля, когда еще прохладно, а кое-где лежат остатки сугробов, здесь, в центре, нечем дышать. Да и шумно сверх меры. Чуть левее клокочет Павелецкий вокзал, совсем рядом

выситя гигантское здание, напичканное учреждениями, машину припарковать негде. Впрочем, наверное, жильцы въезжают во двор, но арка блокирована шлагбаумом, а на все мои просьбы секьюрити ледяным тоном отвечал:

– Впускаем лишь по списку.

– Я иду в сорок вторую квартиру.

– Прописаны постоянно?

– Да, – лихо соврала я.

Охранник исчез в будке, потом снова вышел.

– А не врете-ка, – по-детски заявил он, – там Смешкины живут, у них никто на таком металлоломе не ездит.

Пришлось признать свое поражение и сделать совсем уж неприличную вещь: припарковать машину прямо на тротуаре. Мне самой очень не нравится, когда автомобили преграждают путь пешеходам, но альтернативы-то нет.

Подъезд был закрыт, я потыкала пальцем в кнопки домофона.

– Кто там? – спросил звонкий девичий голосок.

– Страховая компания «Бах», – ответила я и разозлилась на себя. Ни одно заведение в мире, занимающееся защитой клиентов от жизненных неурядиц, не назовется подобным именем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.